СВЯЩЕННИК КИРИЛЛ ЗАЙЦЕВ

Памяти послѣдняго Царя

Россія и Царь. — Тайна личности Царя. — Катастрофа.

Шанхай 1948 г.

СВЯЩЕННИК КИРИЛЛ ЗАЙЦЕВ

Памяти послѣдняго Царя

Россія и Царь. — Тайна личности Царя. — Катастрофа.

Шанхай 1948 г.

Настоящіи очерк был напечатан в 1943 г. в Харбинском «Хлѣбѣ Небесном». Воспроизводится он с незначительными, по большей части чисто редакціонными измѣненіями. Если бы автор писал его наново, под живым впечатлѣніем событій, возникших в мірѣ за послѣдніе годы, то, надо думать, естественно сгустились бы эсхатологическія краски. Но в общем, ни опыт истекших лѣт, ни то обстоятельство, что в подписи автора слово «профессор» замѣнилось словом «священник», не заставляют пересмотрѣть написанное по существу. Выношенное автором в процессѣ долголѣтнаго размышленія пониманіе судеб нашей Родины — получило лишь большую крѣпость.

I

РОССІЯ И ЦАРЬ

«Величіе и паденіе Римской Имперіи»,—под таким названіем написал когда то Монтескье свое знаменитое изслѣдованіе о причинах гибели величайшаго культурно-политическаго и государственнаго образованія античнаго міра. Под

подобным же наименованіем можно было бы написать теперь изслѣдованіе и о судьбах Россіи — с той разницей, что, быть может, еще большим было величіе и, уж навѣрное, болѣе страшным было паденіе этого величайшаго, послѣ перваго и второго Римов, имперскаго тѣла — болѣе страшным, как в смыслѣ быстроты низверженія, дѣйствительно мгновенной, так и в смыслѣ глубины паденія, положительно неизслѣдимой.

Громадность катастрофы тѣм болѣе потрясает воображеніе, что, вопреки нерѣдким сужденіям, ни на чем, кромѣ тягостнаго невѣдѣнія и злого предубѣжденія, не основанным, катастрофа эта никакими объективно-вразумительными причинами обусловлена не была. Она возникла в обстановкѣ такого блистательнаго расцвѣта живых сил и среди такого обилія широко раскрывающихся конкретных возможностей дальнѣйшаго, еще болѣе блистательнаго, расцвѣта этих сил, что всякій, самый проницательный, человѣческій разум, руководимый самой, казалось бы, трезвой человѣческой волею, должен был бы, в своем практически-политическом дѣланіи, исходить из предположенія о всецѣлой вѣроятности дальнѣйших успѣхов Россіи, дальнѣйшаго разрастанія ея могущества, дальнѣйшаго экономическаго и культурнаго преуспѣянія ея.

Вѣдь, буквально, по всѣм статьям под рѣз-

ким углом вздымалась вверх кривая развитія Россіи: хозяйственное благосостояніе, гражданственность, политическая мощь, военная сила, просвѣщеніе, наука, техническій прогресс, искусство всѣх видов — вездѣ Россія ставила рекорды, несравненную степень которых только сейчас можем оцѣнить мы, озирая умственным оком весь предшедшій путь русской исторіи. На безбрежных русских просторах расцвѣтал новый культурный мір, легко и свободно осваивавшій всѣ достиженія Запада, и вмѣстѣ с тѣм лишенный того слѣпого преклоненія пред матеріальными благами, того узкаго практицизма, той прижимистости и приземистости, той тѣсноты духовных горизонтов, того культурно-моральнаго крохоборства, которые, составляя в извѣстном смыслѣ силу западнаго человѣчества, вмѣстѣ с тѣм так безысходно обѣдняют его жизнь. Увѣренной, но легкой и свободной поступью выходила Россія на міровую арену, как нѣкій исполин, который может себѣ позволить во всем быть широким и великодушным, вплоть до политики, привычно, даже поскольку она выходит за предѣлы торговых интересов, исполненной, в представленіи Запада, національной корысти и принципіальнаго макіавеллизма. И другую роскошь могла позволить себѣ Россія: не рекламировать себя! Не кричала о себѣ, а замалчивала себя Россія. Не только не домогалась признанія Россія, а скорѣе стѣснялась слишком громких

его проявленій...

И вдруг — катастрофа, внезапная и оглушительная, начисто и до конца упразднившая всѣ многочисленные «коэффиціенты», которыми так выразительно можно было измѣрять «прогресс» на всѣх поприщах общественной, государственной, культурной жизни Россіи. Дикое поле! Погорѣлое мѣсто!

Не стало Великой Россіи. Как марево расплылся ея величественный облик, утратив самое имя свое и обернувшись нечестивым государственным образованіем мірового же масштаба, но лишенным всякаго органическаго родства с бывшей Россіей и прямой задачей себѣ ставящим сознательное и послѣдовательное разрушеніе богоустановленнаго порядка на пространствѣ земной планеты. Память о подлинной Россіи осталась только в ея исконной великолѣпной культурѣ, которая продолжает быть великой и, в конечном счетѣ, положительной силой, все глубже проникающей в сознаніе міра. И все с большей настойчивостью стучится в сознаніе міра мысль о необыкновенной загадочности, о нѣкой «провиденціальности» судьбы Россіи. Не чудом ли божественной благодати является ея былой рост, о котором два вѣка тому назад обрусѣлый нѣмец Миних, столь много сдѣлавшій для величія Россіи, мог сказать: — «Русское государство имѣет то преимущество перед другими, что оно управляется самим Богом: иначе невозможно

объяснить, как оно существует»? Не чудом ли Божьей кары является и ея срыв? Пред зрячим духовным взором Историческая Россія, как нѣкое замкнутое единство, встает нынѣ во всем своем величіи, во всей своей духовной особливости, во всей своей культурной цѣлостности. И все чаше задумывается человѣк, не утратившій мысль о душевном спасеніи: не содержит ли в себѣ нѣкую спасительную тайну этот прекрасный, ни на что непохожій самобытный міp, открытый теперь наблюденію и размышленію на всем своем жизненном пути, от начала и... до конца.

Да! До конца! Нельзя не произнести этого жестокаго слова! Ибо не знаем мы, что готовит нам будущее, в настоящем же мы видим полное нарушеніе преемственности с прошлым, уход из дѣствительности того, что мы привыкли называть Россіей. С отреченіем Царя, с опустѣніем престола, с низверженіем династіи, с мученической гибелью Царской Семьи не стало Россіи. Отказался русскій народ от Православнаго Царя — и прахом пошли всѣ «коэффиціенты» прогресса, а потом, если и возникли в нѣкоторых направленіях новые, то уже в существенно-ином планѣ и не на пользу ни Россіи, ни человѣчеству, а в прямую им угрозу. То, что высится нынѣ на мѣстѣ Россіи — не Россія. Россія на русской землѣ таится в подпольѣ, Россія живет в Зарубежіи, Россія свѣтится в

прошлом, Россія грезится в будущем, Россія в каком то распыленном видѣ, быть может, зрѣет и там, внутри. Но, как національно-государственнаго цѣлаго, в настоящее время — ея нѣт. То, что составляло живую личность Россіи, утратило связь с національно-государственным ея бытіем, Россія испытала то, что бывает с людьми, страдающими помутнѣніем и угасаніем сознанія, онѣмѣніем свободной воли. Живая душа уходит в нѣкія глубины, а «видимый» человѣк дѣлается игралищем обдержащей его чужой и враждебной силы. Человѣк, порою, живет физической жизнью почти нормально, он совершает обдуманные, тщательно иногда подготовленные поступки, — но он «себя» не знает, — не помнит, не сознает своего поведенія, своего подлиннаго «я» в нем не обнаруживает. Такой человѣк утратил свою «личность»: в нем живет дух посторонній.

«Личность» свою утратила и Россія! Она избыла свое національное самосознаніе. Эта страшная бѣда, конечно, зрѣла издавна, но разразилась она на наших глазах в формах бурной и внезапной одержимости. Дѣйствительно, вдумайтесь в смысл знаменитаго «февраля», для части русскаго общества и по-сейчас окруженнаго дымкой свѣтлой лазури, якобы омраченной лишь в силу позднѣйшаго воздѣйствія темнаго, отвратительнаго большевицкаго «октября». Между тѣм, именно в образѣ этого

«свѣтлаго» февраля свершилось то, что, в представленіи каждаго морально-здороваго, не оторвавшагося от русской почвы, русскаго человѣка, независимо от его настроенности и политическаго направленія, искони было самым страшным, что только можно было предсгавить: сознательный бунт против Царя — не против опредѣленнаго Царя, во имя Царя другого, а против Царской власти вообще! И что же? Россія восприняла это отталкивающее безчинство в ликованіи праздничном, как весну, как освобожденіе от злой неволи, как зарю новой свѣтлой жизни! И это — вся Россія в цѣлом, весь русскій народ во всѣх общественных группах! Это ли не бѣсноватость? Это ли не припадок злой одержимости?

И кончилась на этом Россія. Покинула ее благодать Божія: за легкомысленно-суетливым, прекраснодушно-мечтательным «февралем» пришел, как Немезида, зловѣще-кровавый и сосредоточенно-мрачный октябрь—и задавил Россію.

Больше четверти вѣка прошло, а Россія все еще неспособна вернуться к сознанію своей утраченной личности, ибо неспособна осознать свое окаянство...

А как долго, как терпѣливо пребывала благодать Божія на челѣ Россіи, пока не совершено было покушеніе на Помазанника! Вѣдь, и Великая война шла так, что Россія двигалась к побѣдѣ. Не побѣжденная Россія стала жертвой

революціи. Напротив того! Россія побѣдительница была лишена плодов своей побѣды фактом низверженія ея в пучину революціонной смуты. Революція - не плод пораженія, а источник его. Революція сорвала побѣду. Этим Господь как бы с нарочитой ясностью показал нам, что не Он забыл нас, а что мы забыли, что мы Его предали, от Него отказались. Свергнув Царя, Богом поставленнаго, мы отреклись от Божіей помощи, и с желѣзной логикой развернулся дальнѣйшій ход событій, о котором большевики так прямо и говорили: «сбросили Царя, теперь сбросим и Бога»...

Безблагодатная Россія уже не в силах была противостоять злу, обдержащему ее: духовная личность ея, поистинѣ, воплощалась в Царѣ. Свергнув Царя, Россія утратила свою личность и стала жертвой бѣсов...

Поразительна внезапность, с которой произошло это оборотничество. Но, конечно, эта мгновенная катастрофа была лишь кристаллизаціей процесса, идущаго издавна. И нельзя лучше задним числом осознать наглядно-показательное значеніе послѣдних подготовительных стадій назрѣвавшей катастрофы, как вдумываясь и всматриваясь в личность и судьбу нашего послѣдняго Царя, жизнь котораго так трагически оказалась связанной с жизнью нашего отечества. Не только слѣдует нам любовно всматриваться в прекрасныя личныя свойства

этого свѣтлаго человѣка, являвшаго на всем протяженіи своей жизни незамутненный образ православнаго христіанина, глубокаго и истоваго, а и вдумываться в **предметную сущность** той связи Царя с Россіей, разрыв которой возымѣл столь трагическія для нея послѣдствія.

Будем кратки.

Россія, Историческая Россія Императорская, закатную красоту которой мы еще помним, встает пред нами, прежде всего, как **Великая Россія.** Но возникла и выросла эта Россія, как **Святая Русь**, в которой жизнь государства и общества, жизнь каждой отдѣльной личности и семьи, от Царя до крестьянина, была неотрывна от жизни Церкви. Начиная с Петра, Россія, все больше успѣвая в своей великодержавности, все сильнѣе обмірщалась. Церковь, правда, не уходила из русской жизни, но она постепенно, с какой то неотвратимой послѣдовательностью оттѣснялась от разных сторон русской дѣйствительности. Если Россія в цѣлом продолжала, однако, как государственно-національное тѣло,быть неразрывно связанной с Церковью, то это было только в лицѣ Царя, который являлся воплощеніем одновременно и Великой Россіи и Святой Руси. Пока во главѣ Великой Россіи стоял Царь, Россія не только содержала в себѣ отдѣльные элементы Святой Руси, но и в цѣлом **продолжала быть** Святой Русью, как организованное единство. Но вот что замѣчательно! Чѣм явст-

веннѣе сказывалось расхожденіе с Церковью русской общественности, русской государственности, русскаго народа, тѣм явственнѣе в личности Царя обозначались черты Святой Руси. Уже Император Александр III был в этом отношеніи очень показательным явленіем. Еще в гораздо большей степени выразительной в этом же смыслѣ была фигура Императора Николая II. В этом — объясненіе той трагически-безысходной отчужденности, которую мы наблюдаем между ним и русским обществом. Великая Россія, в зенитѣ своего расцвѣта, радикально отходила от Святой Руси, но эта послѣдняя как раз в это время в образѣ послѣдняго русскаго Царя получила необыкновенно сильное, яркое — прямо-таки, свѣтоносное выраженіе.

Чтобы измѣрить всю силу поистинѣ потрясающей отчужденности между Православным Царем и уходящей от Православія Россіей, надо познакомиться с состояніем умов тогдашней Россіи. Ограничимся нѣсколькими иллюстраціями, извлеченными из публицистики эпохи.

Вот как, в самом началѣ XX вѣка, писал об этом, в самой общей формѣ, извѣстный духовный писатель, профессор гомилетики Кіевской духовной академіи, В. Пѣвницкій, в статьѣ, так и названной им: «Об отношеніи к Церкви нашего образованнаго общества».

«Издревле Русь называлась святой Русью, и охраненіе чистоты и цѣлости православія она

считала своим призваніем. Вы знаете из исторіи, что наши предки твердо держались уставов Церкви, забота об охраненіи православія от всяких нечистых примѣсей одинаково была на мысли всѣх сословій русскаго общества. А что нынѣ? Может ли Русь попрежнему называться святою Русью? Не потускнѣло ли это свѣтлое титло, которым прежде украшалось наше отечество? Если бы возстали из гробов наши благочестивые предки и посмотрѣли на нынѣшнее шатаніе умов, на современное непочтительное отношеніе к Церкви и ея уставам нашего образованнаго передового общества, они удивились бы измѣненію наших нравов, и чувства их терзались бы от глубокой скорби при видѣ оскудѣнія в нас духа благочестія...

«Представьте себѣ святую православную вѣру, хранимую в Церкви, посланницею небес. Мы можем так называть ее, потому что она не нащим земным разумом измышлена: источник ея — небесный, божественный. Она вѣра откровенная; она свыше, от разума божественнаго ниспослана нам, и ей, этой небесной посланницѣ, поручено освѣщать наше темное сознаніе и указывать нам путь спасенія. Гдѣ же среди нас обиталище ея, и гдѣ ее принимают? Принимают ее люди простые, держащіеся руководства Церкви. Но нѣт ей благопріятнаго пріема там, гдѣ, повидимому, должен быть особенно слышен и понятен голос ея. Она хотѣла бы занять и утвердить себѣ мѣсто среди руководителей общественнаго мнѣнія, заправляющих печатным словом. Но многіе ли здѣсь принимают ее и признают своей руководительницей? Едва ли не большинство сторонится от нея и ищет себѣ других руководителей, чуждых и

даже прямо враждебных ей. В нашем печатном словѣ, на страницах наших повременных изданій — журналов и газет, (писал нѣкогда наш самый видный и знаменитый публицист Катков) «замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія». Если и слышен индѣ голос ревнителей и чтителей вѣры, то он совершенно заглушается шумными голосами людей, знать не хотящих указаній вѣры и нерѣдко подвергающих глумленію сужденія, на ней основанныя. Читайте и перелистывайте наши свѣтскія газеты и журналы: чувствуется ли в них такой тон, чтобы вы могли сказать, что это говорят люди, воспитанные в православіи? Рѣдко, весьма рѣдко. Правда, многое здѣсь пишется людьми неправославными, в особенности, семитами, враждебно относящимися ко всему христіанскому, силящимися и усиливающимися все болѣе и болѣе овладѣвать нашею повременною печатью. Нельзя не жалѣть об этом, особенно ввиду того, как много способствовали эти пришлые дѣятели нашей печати распространенію анти-христіанскаго духа на Западѣ. Но еще болѣе жаль, что и наши русскіе, наши единовѣрцы, говорят так, что вы не сумѣете отличить их рѣчей от рѣчи какого либо семита.

«Идет вѣра, эта небесная посланница, в святилища наших высших знаніи. Здѣсь встрѣчает она храмы Божіи, откуда свѣт небесный должен распространяться и освѣщать собою сознаніе людей, посвящающих себя исканію истины. Но она не довольствуется рукотворенными храмами, а ищет живых храмов, которых желает вести ко спасенію, — в сердцах человѣческих. А други и преданные служители вѣры скорбят, жалуются и на то, что ей, этой небесной по-

сланницѣ, в живых храмах, витающих в наших святилищах высших знаній, не отводят почетнаго, ей подобающаго, мѣста и часто слишком мало придают значенія ея требованіям и указаніям.

«Идет она в собранія передовых людей, в роскошно убранные и освѣщенные дома, куда собираются люди для удовлеворенія потребностей своей души, ищущей не то поученія, не то удовольствія. И здѣсь ей нѣт мѣста, и здѣсь на нее не обращают вниманія, и напрасно стала бы она здѣсь возвышать свой голос. Идет она... Но нѣт, не будем болѣе, хотя и мысленно, сопровождать ее в ея странствіях по домам и жилищам нашим, чтобы не видѣть того равнодушія, если не прямого пренебреженія, с каким в разных мѣстах встрѣчают ее, и не болѣть за нее душою».

Еще в болѣе общей формѣ этот же вопрос был поставлен и со свойственной ему безпощадно-острой проницательностью освѣщен Розановым — человѣком, много погрѣшившим против Церкви Православной, но, в отличіе от своих многочисленных современников, настолько органически связанным с Церковью, что, и бунтуя против нея, не в силах был он покинуть ея ограды.

Розанов подвергает обсужденію самое понятіе «культуры», в том ея обличіи, которое было характерно для быта русских «образованных» людей, и приходит к выводу, весьма для русской культурной «элиты» невыгодному. Не

обинуясь, он так называемый «простой» народ противопоставляет обществу «культурному» не по признаку отсталости перваго от второго, а, напротив, — по признаку явнаго превосходства «простонародья» над русским «образованным обществом».

«Будучи чрезвычайно первобытен во всем второстепенном, наш простой народ в то же время во всем существенном, важном высоко и строго культурен. Собственно, безкультурно то, что вокруг него, среди чего он живет, трудится, рождается, умирает; но внутри себя, но он сам, но его душа и жизнь — культурны. В этом отношеніи он составляет как бы антитезу высшим классам, над ним лежащим, которые культурны в подробностях быта, во всем, что окружает их, но не в строѣ своем внутреннем и также не в существенных моментах жизни. Можно сказать, и к прискорбію уже давно, что рождается, думает. чувствует себя и других, и, наконец, умирает человѣк высших слоев, если не как животное, то нѣсколько близко к этому; и только трудится он не только, как человѣк, но и как человѣк усовершенствованный, искусно приподнятый на высоту. Напротив, грубый люд наш, правда, трудится, почти, как животное, но он думает, но он чувствует, но он умирает, как христіанин, т.е., как человѣк стоящій на высшей доступной степени просвѣщенія...»

Нащупывая пограничность культурнаго пресыщенія с культурным одичаніем, Розанов говорит:

«Первобытный, элементарный человѣк есть

не только тот, кто, озирая мір новыми изумленными глазами, ничего не различает в нем и одинаково дивится солнцу и пылающему вдали костру; но и тот, кто всему перестает удивляться, ко всему охладѣв, так же, как и дикарь, только ощущает свои потребности и удовлетворяет их».

«Культура есть синтез всего желаемаго в исторіи: из нея ничто не исключается, в нее одинаково входит религія, государство, семья, наконец, весь склад жизни личной и общественной. Все это, насколько оно зиждется, возрастает — навивает на человѣка одну черту сложности за другой, обогащая его сердце, возвышая его ум, укрѣпляя волю. И, напротив, — насколько это разрушается, от человѣка сходит одна черта за другой, пока он не останется прост, обнажен от всего, как тогда, когда вышел из лона природы».

Перенося эти размышлен'я на проблему, особо его занимавшую, — проблему школы, Розанов заключает:

«Отсюда ясна задача нашей элементарной школы: тот культ, который несет уже в себѣ темный люд, прояснить и распространить — вот в чем лежит ея смысл ея особое, внутреннее оправданіе. Мы не сказали—у к р ѣ п и т ь—этот культ, потому что кровью своею народ наш не однажды уже запечатлѣл эту крѣпость. Но столь преданный, но так любящій, он никогда не поднимался на сколько нибудь достаточную высоту в созерцаніи любимаго им. Можно сказать, что, как нищій, он стоял в притворѣ храма и плакал, слыша едва доносящіеся до него отрывки пѣснопѣній и возгласов; и боролся, и

защищал храм, и проливал кровь за его стѣнами, чтобы не вошли и не осквернили его враги, или, криками и смятеніем, не прервали совершающееся в нем. Поистинѣ эта вѣрность достойна, чтобы наградиться, достоин он и увидѣть и понять таинственное в нем служеніе. Этой наградой за вѣрность и должна быть ему школа: около храма, около богослуженія, около религіи, она — лишь незначительная пристройка, внутренній притвор, вводящій темную и любящую душу в смысл того, что она безотчетно любила и за что страдала. Такова задача школы культурной и исторической, в противоположность анти-культурной и анти-исторической, какая установлена у нас людом, темным в смыслѣ просвѣщенія и в путях исторіи.»

Здѣсь естественно выдвигается Церковь, как ведущая сила в школѣ.

«Нельзя слѣпому довѣрять вести зрячаго... не нужно к церкви приставлять стражей, чтобы она, почти два тысячелѣтія учительная, взростившая в ученіи своем весь христіанскій мір, не упустила каких нибудь подробностей, в которых однѣх могут что-нибудь понимать эти приставленники.»

Так должно быть! А что набюдается в дѣйствительности?

«Ни Часослова, ни Псалтыри, ни Ветхаго Завѣта нѣт в спискѣ рекомендованных, одобренных, допущенных для сельских школ книг.»

Розанов строит обширный план «воцерковленія» школьнаго дѣла. Строит он и дальнѣйшіе планы: воцерковленія внѣшкольной культуры! Видит он необходимость, кромѣ школы,

еще одной пристройки к храму: церковнаго книгохранилища... Видит он необходимость и бытового сближенія духовенства с обществом .. Как всегда, мыслит он конкретно. Берет он «мальчика».

«У этого мальчика нѣт своего мѣстнаго священника, который был бы также и священником его сестры и матери, котораго он привык бы видѣть у себя на дому с образом — служащим молебен или всенощную в памятные семейные дни. Мало-по-малу семья, раздвоенная препровожденіем времени, имѣя разные приходы, не сливается тѣсно ни с одним и отвыкает от церкви... Так образуется не невѣрующее общество наше — сказать это, значило бы грубо ошибиться,—но общество страшно уединенное от церкви и, если не считать полузабытых книжек, вполнѣ ее не вѣдающее. В свою очередь, церковь, оставленная высшим обществом, имѣя живую и постоянную связь лишь с мало обученным людом, становится робка, неувѣренна в своих дѣйствіях и хоть с болью, но там и здѣсь поступается для нея должным»...

Итак, грандіозная духовная реформа встает в воображеніи геніальнаго чудака? Общество воцерковляется! Оно возвращается, подобно блудному сыну, в ограду Церкви! Но, вѣдь, для этого нужно было бы этому обществу «придти в себя»! Способно ли было оно на это? Склонно ли было русское образованное общество к «возсоединенію» с Церковью?

На этот вопрос ясный отвѣт даст нам еще одна, послѣдняя из извлекаемых нами, иллю-

страція из публицистики эпохи, — как увидим, иллюстрація жуткая по силѣ и напряженности «антиклерикальной» настроенности, а главное — по тому жуткому спокойствію, с каким утверждаются в ней самыя страшныя вещи.

Эта иллюстрація извлекается нами не из подпольнаго безбожнаго листка, не из радикально соціалистической литературы, а из самаго мирнаго, самаго «академическаго», самаго «буржуазнаго», самаго высоко-культурнаго, широкаго и «просвѣщеннаго» органа русской повременной печати — из солиднѣйшаго «Вѣстника Европы», руководимаго солиднѣйшими Стасюлевичем и Арсеньевым.

Кони, Сергѣевич, Герье, Влад. Соловьев — вот высокія имена лиц, которыя украшали страницы этого прекраснаго журнала своими статьями и цѣлыми изслѣдованіями. Мужи науки, отвлеченной мысли, государственнаго опыта несли туда самыя выношенныя свои произведенія, зная, что это — подлинно форум надпартійной русской общественной жизни. И вот в отдѣлѣ «Литературное обозрѣніе» под ничего не говорящими иниціалами «М. Г.» находим мы в сентябрьской книжкѣ за 1908 г. слѣдующую многоговорящую рецензію на брошюрку нѣкоего Н. Казмина-Вьюгова, выпущенную в том же году, в Петербургѣ, под заглавіем: «О религіозном воспитаніи дѣтей».

«Замѣчательная брошюра г. Казмина-Вьюгова заслуживает самаго глубокаго вниманія не

только педагогов, но и всякаго образованнаго человѣка. В ней затронут вопрос первостепенной важности, и поставлен он во всем объемѣ, с силою и задушевностью честно продуманнаго убѣжденія.

«В двух формах практикуется у нас религіозное воспитаніе дѣтей, и в обѣих оно, по мысли автора, является жестоким насиліем над будущим человѣком. Одна из них - отрицаніе всякой религіи, сопровождающееся обыкновенно ироническим отношеніем (при дѣтях) не только к обрядовой сторонѣ религіи, но и к религіозным вѣрованіям вообще. Это дѣлается для того, чтобы дѣти были свободны. В дѣйствительности, эта система заранѣе связывает ребенка.

«Всю ошибочность этой системы, широко практикуемой среди нашей интеллигенціи, автор вскрывает в слѣдующих умных строках: «Одно из двух: или ваше отрицаніе истинно — или истинность его сомнительна. Если оно истинно, обоснованно, убѣдительно. тогда не нужно внѣдрять его дѣтям раньше, чѣм они могут во всей силѣ понять убѣдительность вашего отрицанія. Послѣднее возможно лишь тогда, когда дѣти получат общее научное развитіе. Если же отрицаніе не обосновано, если его истинность сомнительна, то какое право имѣем мы внушать его беззащитным дѣтям?».

«Другая система, может быть, еще пагубнѣе. Она состоит в раннем пріученіи дѣтей к исполненію религіозных обрядов, молитвѣ, хожденію в храм и пр. Такіе родители обыкновенно ссылаются на то, что внѣшнее в религіи есть выраженіе и, вмѣстѣ, способ пробужденія внутренней потребности. На это автор мѣтко

возражает, что в таком случаѣ не должно ли внѣшнее само собою рождаться из душевной потребности, как рождается крик радости или дрожь испуга? Какой смысл имѣет благодарственная молитва к Богу в устах ребенка, когда у него нѣт самаго чувства? Мы назвали бы вопіющей нелѣпостью систему воспитанія, которая заставляла бы дѣтей, например, ежедневно в опредѣленный час громко выражать радость, притом — одними и тѣми же словами и тѣлодвиженіями; но не это ли самое дѣлают с дѣтьми тѣ, кто заставляют их читать без смысла готовыя молитвы, и пр.?

«Эта система опаснѣе, чѣм это кажется с перваго взгляда. Она гипнотизирует ребенка, и часто на всю жизнь. Воспитаннное в дѣтствѣ благоговѣніе ко всему церковному сдѣлает юношу несвободным в его религіозных исканіях; оно или заставит его безсознательно бояться отрицанія, быть робким и непослѣдовательным из страха разрушить уютный мір дѣтских привычек и представленій, или, наоборот, в упорной борьбѣ с этими трудно-искоренимыми привычками, толкнет его к рѣзкому озлобленному отрицанію. Но это еще не все. Сторонники церковно религіознаго воспитанія не ограничиваются внушеніем религіознаго чувства: они стараются сообщить ребенку извѣстный цикл религіозных понятій, которыя представляют собою готовые отвѣты на глубочайшія міровыя загадки. В семьѣ, а еще болѣе в школѣ, робенок получает множество догматических знаній — о том, что Бог есть, что Он сотворил мір и т. д. Извѣстно, какой характер носит преподаваніе Закона Вожія в наших школах. Восьми и девятилѣтним дѣтям законоучитель

обязан (таково требованіе программы) сообщать общія понятія «о Богѣ, Творцѣ міра, о Его вездѣсущіи, всемогуществѣ и благости... об ангелах, душѣ человѣка, созданной по образу Божію» и пр. Что поймет здѣсь ребенок? Автор обстоятельно и очень тонко выясняет разнообразный вред, проистекающій из такого воспитанія для ума, воли, для нравственнаго склада ребенка. Чего стоит, напримѣр, одна идея непрестаннаго вмѣшательства Бога в естественный порядок вещей, прививаемая этим путем ребенку? Войдя в плоть и кровь, сдѣлавшись привычкой она парализует разум и укореняет фатализм; зачѣм допытываться причин, зачѣм обдумывать заранѣе? Бог послал, Бог не попустил, как Бог даст, — и кончено.»

Автор брошюры имѣет свою систему: надо развить чувство связи с міром, идеализм! Рецензент несогласен. Надо внушать дѣтям чувство міровой связи, которое непостижимо разсудком; «Всѣ религіи, — по мнѣнію рецензента, — опираются на эту почву; изберет ли воспитанник позже какую-нибудь догматическую религію, или нѣт — во всяком случаѣ, мы должны пробудить в нем религіозность, которая есть ни что иное, как всеобъемлющая разумность».

* * *

Достаточно на этом, бѣгло нами обрисованном, фонѣ представить себѣ облик нашего послѣдняго Царя, чтобы реально ощутить ту непроходимую пропасть, которая лежала между

Государем Императором Николаем Александровичем и русской общественной средой.

Отчужденное одиночество — вот на что был обречен этот истинный и истовый православный христіанин на Престолѣ Православнаго Царя. Тѣми именно свойствами своими, которыя дѣлали из него идеальнаго Русскаго Царя, он становился загадочным и непонятным «лучшим» людям своей Земли! Вот корень національно-общественной трагедіи всего его царствованія, вот корень катастрофы, которая вырастала из этой трагедіи.

II

ТАЙНА ЛИЧНОСТИ ЦАРЯ.

Моральная трагедія, обусловленная неспособностью русскаго образованнаго общества уразумѣть духовную красоту и нравственную высоту своего Царя и даже просто объективно-добросовѣстно распознать и оцѣнить его личность, очень сильно выражена была однажды еписк. Іоанном Шанхайским в словѣ, сказанном им пред богослуженіем об упокоеніи душ Царской семьи. Не менѣе сильно истолкован был Владыкой в этом словѣ и тот страшный грѣх цареубійства, который лег на весь, в цѣлом, русскій народ.

«Царь-мученик, — говорил Владыка, — болѣе

всего походил на Царя Алексѣя Михайловича, Тишайшаго, но превосходил его своей непоколебимой кротостью... Его внутренній духовно-нравственный облик был так прекрасен, что даже большевики, желая его опорочить, могут упрекнуть его только в одном — в набожности.

«Доподлинно извѣстно, что он всегда начинал и заканчивал свой день молитвою. В великія церковныя празднества он всегда пріобщался, причем смѣшивался с народом, приступавшим к великому таинству, как это было при открытіи мощей пр. Серафима. Он был образцом цѣломудрія и главой образцовой православной семьи, воспитывал своих дѣтей в готовности служить русскому народу и строго подготовлял их к предстоящему труду и подвигу. Он был глубоко внимателен к нуждам своих подданных и хотѣл ярко и близко представить себѣ их труд и служеніе. Всѣм извѣстен случай, когда он прошел один нѣсколько верст в полном солдатском снаряженіи чтобы ближе понять условія солдатской службы. Он ходил тогда совсѣм один, и тѣм ясно опровергаются клеветники, говорящіе, что он боялся за свою жизнь... Говорят, что он был довѣрчив. Но великій отец Церкви св. Григорій Великій говорил, что чѣм чище сердце, тѣм оно довѣрчивѣе.

«Чѣм же воздала Россія своему чистому сердцем, любящему ее болѣе своей жизни, Государю?

«Она отплатила ему клеветой. Он был высокой нравственности — стали говорить об его порочности. Он любил Россію — стали говорить об измѣнѣ. Даже люди близкіе повторяли эту клевету, пересказывали друг другу слухи и раз-

говоры. Под вліяніем злого умысла одних, распущенности других, слухи ширились, и начала охладѣвать любовь к Царю. Потом стали говорить об опасности для Россіи и обсуждать способы освобожденія от этой несуществующей опасности и, во имя якобы спасенія Россіи, стали говорить, что надо отстранить Государя. Разсчетливая злоба сдѣлала свое дѣло: она отдѣлила Россію от своего Царя, и в страшную минуту в Псковѣ он остался один... Страшная оставленность Царя... Но не он оставляет Россію, Россія оставляет его, любящаго Россію больше своей жизни. Видя это и в надеждѣ, что его самоумаленіе успокоит и смирит разбушевавшіяся страсти народныя, Государь отрекается от престола... Наступило ликованіе тѣх, кто хотѣл низверженія Государя. Остальные молчали. Послѣдовал арест Государя и дальнѣйшія событія были неизбѣжны... Государь был убит, Россія молчала...

«Великій грѣх — поднять руку на Помазанника Божія... Не остается и малѣйшая причастность к такому грѣху неотмщенной. В скорби говорим мы «кровь его на нас и на дѣтях наших». Но будем помнить, что это злодѣяніе совершено в день св. Андрея Критскаго, зовущаго нас к глубокому покаянію... Но покаяніе наше должно быть полное, без всякаго самооправданія, без всяких оговорок, с осужденіем себя и всего злого дѣла от самаго его начала...»

Да, вся современная злодѣянію Россія в какой то мѣрѣ несет на себѣ вину цареубійства: тѣ, кто не были пособниками, были попустителями! Но, пожалуй, еще болѣе устрашающим, чѣм признаніе всей Россіи виновной в этом зло-

дѣянiи, является констатированiе того, каким относительно малым было впечатлѣнiе, произведенное в этом именно смыслѣ на русское общество екатеринбургским цареубiйством. Всѣ готовы обличать большевиков. На этом всѣ сходятся. А развѣ в этом дѣло? С большевиков взятки гладки! Но они, вѣдь, только произнесли послѣднюю букву страшной азбуки, которую выдумали не они. Задуматься же над тѣм, гдѣ начинается этот жестокiй и мерзостный алфавит, мало кто хочет. В частности, поразительно, как медленно и с каким трудом раскрываются глаза у даже, казалось бы, «прозрѣвших» людей на личность Царя. С каким трудом изживается сложившаяся у русскаго образованнаго общества привычка свысока смотрѣть на кроткаго Помазанника! Вот как, задним числом, рисует лучшiй бiограф Царя, С. С. Ольденбург, эту отратительную повадку русскаго общества:

«Сторонясь от всяких подлинных свѣдѣнiй о Царѣ и Царской семьѣ с упорной предвзятостью русская интеллигенцiя воспринимала и запоминала то, что печаталось о Царѣ в подпольных революцiонных пасквилях, обычно по своей фантастичности относящихся к области «развѣсистой клюквы»; ловила шопот придворных сплетен, инсинуацiи опальных сановников. Мнѣнiе о Государѣ, как о человѣкѣ невѣжественном, ограниченном — нѣкоторые договаривались до выраженiя «слабоумный» — человѣ-

къ безвольном, при этом злом и коварном — было ходячим в интеллигентских кругах. Даже военный чин его — в котором он оставался, по-тому что отец его скончался, когда Государю было двадцать шесть лѣт — обращали ему в укор, говоря о «маленьком полковникѣ», об «уровнѣ» — почему-то «армейскаго полковника» и т. д....»

Не нужно при этом думать, что подобное отношенiе к Царю было свойственно лишь злонамѣренно-подозрительным людям, монархически индиферентным или даже монархизму враждебным. Люди монархически настроенные и лично Государю симпатизировавшiе нерѣдко видѣли в его фигурѣ что-то жалкое. С каким злорадством подхвачена была либеральным обществом мысль о том, что Царь является двойником несчастнаго Θеодора Iоанновича, к тому же нарочито стилизованнаго в сценическом изображенiи, под кроткаго, но убогаго «простачка»! Но вѣдь со скорбью, с тяжелым сердцем, сокрушенно покачивая головами, от том же говорили и убѣжденные монархисты, не обрѣтая в Царѣ того, что хотѣли бы видѣть, и не ощущая его твердой руки на рулѣ государственнаго корабля.

Можно понять, а в извѣстном смыслѣ даже оправдать тѣх, кто так думали «тогда»: вѣдь, перспектива была укорочена и искажена. Но «теперь», послѣ всего свершившагося — дозво-

хительно ли оставаться при прежних трафаретах? А между тѣм, Царь оставался непонятым и послѣ своей мученической смерти, а тѣм самым непонятой оставалась и объективная трагедія его взаимоотношеній с обществом. Так глубок был духовно-психологическій отход русскаго образованнаго общества от основ Святой Руси, от пониманія существа Самодержавной власти на Руси!

Показательна в этом отношеніи честная и умная книжка В. І. Гурко «Царь и Царица». Автор ея — один из лучших сынов ушедшей Россіи, один из столпов ея государственнаго строительства. Человѣк рѣдкаго ума и исключительнаго образованія, он был украшеніем сановной русской бюрократіи. Имя его останется незабвенным, как едва ли не главнѣйшаго внутривѣдомственнаго подготовителя знаменитой Столыпинской реформы. Пав жертвой интриги, он оказался, при проведеніи реформы в жизнь, обреченным на относительное бездѣйствіе, не не озлобился и не превратился в будирующаго оппозиціонера Оставаясь, по связям своим, в курсѣ того, что дѣлалось «на верхах», он лучше, чѣм кто нибудь, мог «наблюдать» и «оцѣнивать», тѣм болѣе, что ни к каким партіям не принадлежал и чужд был пристрастіям, как правым так и лѣвым, по убѣжденіям же был консерватором и монархистом. Трудно представить себѣ человѣка, болѣе пригоднаго для «ре-

абилитаціи» Царя в глазах общества!

И. дѣйствительно, во многих отношеніях книга Гурко, отдавая должное Царю, убивает, можно сказать, наповал нѣкоторыя ходячія, но абсолютно лживыя, представленія о нем, издавна отравлявшія сознаніе русской интеллигенціи. Пред нами встает человѣк безупречный в семейном быту — «сіяюшее исключеніе на фонѣ нравов, ставших привычными в высшем обществѣ» — и вмѣстѣ с тѣм образец полнѣйшаго самоотверженія в исполненіи того, что он считал своим Царским Дѣлом. Но высоко расцѣнивая моральный облик Царя, Гурко не находит ключа к пониманію его личности... В планѣ государственном и для Гурко Царь — «маленькій» человѣк, не стоящій на уровнѣ задач, ставившихся ему дѣйствительностью! По мнѣнію Гурко, Царю вообще была чужда широкая картина — он был «миніатюристом», способным осознавать только детали. В связи с этим стоит, по мнѣнію Гурко, неспособность Царя отличать общее «правленіе» от конкретных и частных «распоряженій», ведшая его к излишней и неоправданной обстоятельствами подозрительности в отстаиваніи своей власти от несуществовавших покушеній. Не считаясь с общими принципами управленія, он порой настойчиво проводил в мелочах свою волю. Не договаривая своей мысли до конца, Гурко дает понять, что тут, вѣроятно, сказывалось столь

обычное для слабовольных людей упрямство. Впрочем, и Гурко «слабоволіе» Царя признает лишь условно, оттѣняя, что Царь упорно шел по пути собственных намѣреній—с одним только исключеніем, извѣстным Гурко: это — капитуляція 17 октября пред чужим мнѣніем, ему внушенным и ему навязанным по признаку «исторической необходимости».

Не задумываясь над тѣм, в какой мѣрѣ это «исключеніе» способно раскрыть тайну личности Императора Николая II, Гурко проходит мимо него. В другом мѣстѣ, как бы мимоходом, останавливаясь на умоначертаніи Царя, Гурко приводит свидѣтельство А. А. Половцова, занесенное им в дневник 12 апрѣля 1902 года и так изображающее это умоначертаніе: «Всѣм управляет Бог, Помазанником Коего является Царь, который поэтому не должен ни с кѣм сговариваться, а слѣдовать исключительно Божественному внушенію». Гурко склонен искать в этом умоначертаніи корень лишь нѣкоторых совершавшихся Государем (отчасти под вліяніем Государыни) самоличных дѣйствій, врывавшихся в круг нормальнаго теченія государственных и церковных дѣл.

А между тѣм, стоило углубить эту тему—и именно здѣсь можно было бы найти общій ключ к пониманію поведенія Царя, иногда казавшагося Гурко столь загагочным. Дѣло в том, что Царь, при всем своем уваженіи к по-

рядку и к формѣ, не считал царскую волю формально чѣм бы то ни было связанной. Поэтому там, гдѣ он, в очень рѣдких случаях, настаивал на исполненіи ея в обход формы, были значит у него основанія серьезныя, которыя побуждали его к этому. Искать причин таких дѣйствій надо не в упрямствѣ и не в мелочности Царя, а в чем-то другом. Показательно, кстати сказать, что тот матеріал, который попутно раскрывает нам сам Гурко, ни в какой мѣрѣ не вяжется с дѣлаемой им оцѣнкой дѣйствій Царя. Гурко отмѣчает безграничное самообладаніе Государя, исполненное внутренняго упора неколебимаго. Его никогда не видали ни бурно гнѣвающимся, ни оживленно радостным, ни даже в состояніи повышенной возбужденности. Гнѣв его выражался в том, что глаза его дѣлались пустыми — он как бы уходил вдаль, ничего не замѣчая и не видя. Полное спокойствіе сохранял он и в моменты опасности. Вмѣстѣ с тѣм, переживал он, по указанію того же Гурко, весьма сильно все то, что он ощущал, как удар, наносимый Россіи. Пораженіе под Сольдау стоило ему недешево. «Я начинаю ощущать мое старое сердце — писал он Царицѣ 12 іюня 1915 г. — Первый раз, ты помнишь, это было в августѣ прошлаго года послѣ самсоновской катастрофы, а теперь опять». Отмѣчает Гурко и то, что настойчиво проводил Государь свою волю в относительных «мелочах»:

ни разу не нарушил он закона в вопросах общегосударственнаго значенія!...

Вяжется ли с подобными данными упрек Царю в мелочности, в упрямствѣ? За чертами характера Царя, которыя воспроизводит Гурко, чувствуется сильная, изумительно дисциплинированная воля, чувствуется глубокое сознаніе моральной отвѣтственности, чувствуется и большая душа. Откуда же здѣсь быть мелочности или упрямству? Эти свойства обнаруживаются тогда, когда человѣк, позируя на большого человѣка, на самом дѣлѣ таковым не является! Когда такой человѣк срывается со своей «позы», тут, конечно, проявляется подлинная его мелкая природа. Но у Царя то никакой позы не было! Если он на чем либо настаивал, значит, в его представленіи, это не было мелким, и настаивал он на этом не по причинѣ неосмысленно-упорнаго своеволія, как это бывает в случаях упрямства, а по какому либо существенному, морально оправданному основанію...

Чтобы нам еще отчетливѣе представить себѣ свойственную Государю нравственную серьезность, коренящуюся в высокой дисциплинѣ духа, приведем нѣсколько показаній о Государѣ другого человѣка, тоже заслуживающаго довѣрія. Мы имѣем в виду министра иностранных дѣл Сазонова, человѣка чистаго, деликатнаго, морально тонкаго. Что ему запомнилось из его общенія с Царем?

«Глядя на него у церковных служб, во время которых он никогда не поворачивал головы, я не мог отдѣлаться от мысли, что так молятся люди, извѣрившіеся в помощи людской и мало надѣющіеся на собственныя силы, а жаждующіе указаній и помощи только свыше...»

«Что бы ни происходило в душѣ Государя, он никогда не мѣнялся в своих отношеніях к окружающим его лицам. Мнѣ пришлось видѣть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственнаго сына, в котором сосредоточивалась вся его нѣжность, и кромѣ нѣкоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничѣм не сказывались пережитыя им страданія... (Спала 1912 г.)»

«На третій день моего пребыванія в Спалѣ я узнал от пользовавших Наслѣдника врачей, что на выздоровленіе больного было мало надежды. Мнѣ надо было возвращаться в Петроград. Откланиваясь Государю перед отъѣздом, я спросил его о состояніи Цесаревича. Он отвѣтил мнѣ тихим, но спокойным голосом: «надѣемся на Бога». В этих словах не было ни тѣни условности или фальши. Они звучали просто и правдиво.»

А вот небольшой, но сколь характерный штрих, наблюденный Сазоновым в отношеніях Государя к людям, ему явно непріятным! Зашла раз рѣчь об одном бывшем министрѣ, котораго Сазонов не называет, но в котором легко угадать Витте. Между ним и Государем лежала не только пропасть непониманія, но и нѣчто большее. Государь не уважал Витте, а тот платил ему озлобленной антипатіей, которой нерѣдко давал

волю в своих высказываніях, прикрываемых иногда нарочитым подчеркиваніем «піэтета» к памяти Александра III. Государь, конечно, знал об этих чувствах к нему Витте. Велико было удивленіе Сазонова, когда он в высказываніях Царя о Витте не уловил ни малѣйшаго оттѣнка раздраженія. Сазонов не скрыл своего удивленія от Царя. «На это,— разсказывает Сазонов, — Государь отвѣтил мнѣ слѣдующими словами, живо сохранившимися в моей памяти: «Эту струну личнаго раздраженія мнѣ удалось уже давно заставить в себѣ совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничего не поможешь, да к тому же от меня рѣзкое слово звучало бы обиднѣе, чѣм от кого нибудь другого».

Ограничимся еще одним отзывом, исходящим от человѣка, хотя и далекаго от Россіи и от ея Царя, но способнаго, по своему положенію, многое увидѣть в характерѣ Царя. Это — президент Французской республики Лубэ. Он давал такой отзыв о главѣ союзнаго Франціи государства:

«Обычно видят в Императорѣ Николаѣ II человѣка добраго, великодушнаго, но немного слабаго, беззащитнаго против вліянія и давленій. Это — глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпѣніем и упорством; он имѣет задолго продуманные планы, осуществленія которых медленно достигает... Под видимостью робости, немного женственной,

Царь имѣет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо вѣрное. Он знает, куда идет и чего он хочет».

Не будем продолжать нанизывать оцѣнки и свидѣтельскія показанія, удостовѣряющія исключительныя моральныя свойства Царя и крѣпость его воли. Не будем приводить и тѣх отзывов, которые отмѣчают столь же исключительную умственную силу Царя. Отсылаем читателя к извѣстной книгѣ С. С. Ольденбурга. Ознакомившись с ней, читатель на самом матеріалѣ, сгруппированном автором книги, убѣдится в выдающихся качествах Государя, как человѣка и правителя.

Тѣм большей загадкой остается стойкость легенды, которая совершенно иначе изображала Царя, а также глубина той пропасти непониманія, которая раздѣляла общество от Царя и которая создавала почву, благопріятную для происхожденія и укрѣпленія этой легенды. Едва ли при объясненіи этого явленія допустимо ограничиваться указаніем на злостность клеветы, направленной против Царя и на намѣренную дѣятельность темных сил. Недостаточно и общаго указанія на то разномысліе и разночувствіе между Царем и обществом, на которое мы выше обращали вниманіе.

Важно здѣсь уловить два обстоятельства, которыя бросают свѣт на природу этого разномыслія и разночувствія, корни свои имѣющаго

не только в настроеніях общества, но и в нѣкоторых свойствах или, вѣрнѣе сказать, в нѣкоторой установкѣ сознанія самаго Царя, которая дѣлала нахожденіе общаго языка между ним и его современниками самаго разнаго направленія психологически невозможным.

Одно обстоятельство мы уже отмѣчали, и теперь остается только нѣсколько ближе к нему подойти. Это — разность пониманія Царем и русским обществом института Царской власти.

Государь, как человѣк церковно-вѣрующій, сознавал себя Помазанником и Царем в том высоком и отвѣтственном пониманіи этих обозначеній, которыя присущи ученію Церкви. Проблема «абсолютизма», а тѣм самым и проблема «конституціонных» ограниченій этого абсолютизма, уясненіем каковых проблем в глазах русскаго образованнаго общества, даже иногда и праваго, исчерпывалось уразумѣніе отношенія подданных к Царю, — этих «проблем» в глазах Императора Николая II вообще не существовало. Не существовало их и в глазах любого подлинно-церковнаго русскаго человѣка, или даже такого человѣка, который, будучи, по своим убѣжденіям далек от точнаго ученія Церкви, оставался бы способным точно уяснить себѣ русское пониманіе вопроса, исторически и юридико-догматически данное. Русскій Царь не был и не мог стать «абсолютным» монархом в пониманіи Запада.

Он был Царем **самодержавным** — по самой природѣ своей власти не поддающимся никаким **формальным** ограниченіям ни с чьей стороны. Однако, это никак не означало, что он был Государем, которому не противостояли бы никакія сдержки и который в одной лишь собственной волѣ должен был искать границ допустимаго. Приведем страничку из очерка гр. Ю. Граббе «Святая Русь в исторіи Россіи», гдѣ почтенный автор останавливается и на религіозной природѣ царской власти в Россіи.

«Особенно ярко обрисовывается религіозная сущность русской царской власти в чинѣ коронованія и міропомазанія. В самом началѣ этого чина, едва Государь входит в собор и становится на свое мѣсто, он, «по обычаю древних христіанских монархов», вслух своих подданных отвѣчает на вопрос первенствующаго архіерея: «како вѣруеши?» и читает св. символ православной вѣры. И лишь послѣ этого начинается самая служба. Всѣ регаліи принимаются Царем «во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; читаются глубокія по содержанію молитвы с исповѣданіем, что земное царство ввѣрено Государю от Господа, с прошеніем о том, чтобы Господь всѣял в сердце его страх Божій, соблюл его в непорочной вѣрѣ, как хранителя Св. Церкви, «да судит он людей Божіих в правдѣ и нищих Его в судѣ, спасет сыны убогих и наслѣдник будет небеснаго царствія...» Но особенно торжественный и трогательный момент — это чтеніе Царем колѣнопреклоненной молитвы, полной смиренія, покорности и благодарности

Богу: «Ты же, Владыко и Господи мой, — молится Царь. — настави мя в дѣлѣ, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служеніи сем... Буди сердце мое в руку Твоею-еже вся устроити к пользѣ врученных мнѣ людей и к славѣ Твоей, яко да и в день Суда, Твоего непостыдно воздам Тебѣ слово...»

«Катков говорил, что в присягѣ — наша конституція, по которой мы имѣем больше чѣм политическія права — мы имѣем политическія обязанности. Это отчасти вѣрно, но, в сущности, подлинная конституція была в священном коронованіи. Там исповѣдывалась неразрывность нашей Царской власти с Православной Церковью, там Самодержец торжественно заявляет, что он ограничен Законом Божіим, что он — Божій слуга. В молитвах этого замѣчательнаго чина, развившагося уже в Императорскій період, а до того весьма краткаго, — самое глубокое изложеніе сущности русской верховной власти и ея главной задачи. Тут государственные принципы Святой Руси получают свое самое яркое и глубокое выраженіе».

Внѣ подобной церковно-религіозной осмысленности Царской власти в Россіи, нельзя, вообще, понять ея сущности. Тот, кто не понимает, что такое «Православіе», не может, понять и того, что такое — Русскій Царь. Отдѣленная от этой своей церковно-православной природы, несущей в себѣ сильнѣйшія и глубочайшія «ограниченія», теряет самый свой смысл Царская власть, как она выработана тысячелѣтней русской исторіей. Это прекрасно понял такой относительно далекій от Церкви че-

ловѣк, как знаменитый историк русскаго права Сергѣевич, который распознал юридическое своеобразіе русскаго самодержавія и потому самым рѣшительным образом отвергал примѣнимость к нему —в исторической перспективѣ! — понятій западнаго абсолютизма.

Этого то и не понимало русское общество. Оно не могло имѣть ученой проницательности величайшаго русскаго правовѣда-историка, и оно, вмѣстѣ с тѣм, в такой мѣрѣ утратило уже способность мыслить и чувствовать так, как велит Церковь Православная, что для него смысл русскаго самодержавія испарился. Тут и лежит корень непониманія обществом Царя — непониманія безысходнаго.

Царь, оставаясь Русским Царем, не мог себя ограничить западной конституціей, не мог сдѣлать этого не потому, чтобы судорожно держался он за свою власть, а потому, что самая власть эта, по существу своему, не поддавалась ограниченію. Ограничить ее — значило измѣнить не ее, а измѣнить ей. И тут, в дополненіе к тому, что явствует из вышеприведенной страницы, заимствованной у Граббе, напомним еще одно обстоятельство, еще болѣе, с точки зрѣнія церковно-вѣрующаго человѣка, значительное. Русскій Царь не просто Царь - Помазанник, которому вручена Промыслом судьба великаго народа. Он — тот единственный Царь на землѣ,которому вручена от Бога задача охра-

нять Святую Церковь и нести высокое царское послушаніе до второго пришествія Христова. Русскій Царь — тот Богом поставленный носитель земной власти, дѣйствіем котораго до времени сдерживалась сила Врага. В этом и только в этом смысл преемственности русской царской власти от Византіи...

Нужно именно это учесть, чтобы уяснить себѣ, какую трагедію переживал Император Николай II, когда у него «вымучивали» манифест 17 октября, и, наконец, вырвали то, как он говорил, «страшное рѣшеніе», которое он, перекрестившись, принял, не видя другой возможности спасти страну.

Создав народное представительство, Царь принял, однако, новый порядок, лишь как измѣненіе техники высшаго правительственнаго механизма. Человѣк исключительно лояльный и свободный от личных пристрастій и увлеченій, он с необыкновенной скрупулезностью соблюдал закон в отношеніи Государственной Думы, — как он соблюдал закон и во всѣх иных случаях и направленіях. Но внутренне чуждой оставалась ему эта механика, не знавшая прецедентов в русском прошлом.

Об этом ясно свидѣтельствует опубликованная в совѣтской Россіи переписка Царя с министром внутренних дѣл Н. А. Маклаковым. Настраивая Царя против Думы, Маклаков в 1913г.

испросил у Царя разрѣшеніе распустить ее, если ему не удастся ее «ввести в законное русло». Из замыслов Маклакова ничего не вышло, так как он встрѣтил в Совѣтѣ министров рѣшительную и сплоченную оппозицію. Но любопытно, что Царь в своей перепискѣ с Маклаковым высказывал полное свое несочувствіе сложившемуся у нас государственному порядку. Он писал: «Также считаю необходимым и благонамѣренным немедленно обсудить в Совѣтѣ министров мою давнишнюю мысль об измѣненіи статьи учрежденія Государственной Думы, в силу которой, если Дума не согласится с измѣненіями Государственнаго Совѣта и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при отсутствіи у нас конституціи, есть полная безсмыслица. Предоставленіе на выбор и утвержденіе Государя мнѣнія и большинства и меньшинства будет хорошим возвращеніем к прежнему спокойному теченію законодательной дѣятельности, и притом в русском духѣ».

Таково было «личное» мнѣніе Царя, на котором он, конечно, не стал настаивать, ибо был человѣком, лишенным тѣх мелочности и упрямства, которыя ему так упорно ставят в вину. Напротив того, он своеобразную, во многих отношеніях замѣчательную «конституцію» русскую, нашедшую себѣ превосходное юридическое выраженіе в Основных Законах 23 апрѣля — своего рода шедеврѣ государственнаго пра-

ва! — заботливо покрывал своим высоким покровительством. Но это отнюдь не могло означать для него, чтобы он всегда и при всѣх условіях считал себя обязанным подчиняться той формѣ, которая была выражена в «конституціонных» законодательных актах. Вѣдь, он, только он один, продолжал нести и в рамках новых «основных законов» отвѣтственность перед Богом за судьбы Русскаго народа! Никакая власть на землѣ неспособна была лишить Царя права и снять с него обязанность считать и чувствовать себя высшим арбитром в послѣдних рѣшеніях, требуемых обстоятельствами чрезвычайными. Когда германскій император предложил ему, в цѣлях ослабленія отвѣтственности за Портсмутскій договор, передать его на ратификацію Думѣ, Царь отвѣтил, что отвѣтственность за свои рѣшенія несет он перед Богом и исторіей...

Арбитром, на котораго не может быть апелляціи, продолжал считать себя Государь и во внутренней гражданской политикѣ. Акт 3 іюня 1907 г., которым была нарушена буква «конституціи», но которым Россія была выведена из тупика думской неработоспособности, явился плодом именно такого умоначертанія Царя. «От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим, перед престолом Его мы дадим отвѣт за судьбы державы Россійской», — читаем мы в манифестѣ 3 іюня!

На свою совѣсть брал иногда Царь и рѣшенія в вопросах церковных, и тут не считая себя формально связанным рѣшеніем Св. Синода. Освѣдомленный Жевахов говорит, что Царь в теченіе своего царствованія всего лишь три раза проявил свою самодержавную волю в отношеніи Синода. Первый раз это было в дѣлѣ прославленія св. Іоасафа Бѣлгородскаго, в 1910 году. С нетерпѣніем ожидая назначенія Синодом торжества прославленія, Царь не счел себя, однако, вправѣ торопить Синод. Но когда состоялось мнѣніе Синода о необходимости отложить это торжество, то Царь, не согласившись с доводами обер-прокурора и Синода, сам назначил срок его. Второй раз его воля была проявлена в дѣлѣ прославленія св. Іоанна, митрополита Тобольскаго. Наконец, третій случай связан с назначеніем митр. Питирима на петербургскую кафедру и с перемѣщеніем митрополита Владимира в Кіев...

Были, повидимому, и другіе аналогичные случаи, не отмѣченные Жеваховым. Так, Гурко говорит об отмѣнѣ Государем предписанія Синода о перемѣщеніи іеромонаха Иліодора, каковое распоряженіе Государя, по свидѣтельству Гурко, произвело очень тягостное впечатлѣніе на митр. Антонія.

Не будем касаться двух послѣдних частных случаев, касающихся личностей — тут, как во всяких вопросах личных, всегда возможны

разныя мнѣнія и противорѣчивыя оцѣнки. Что же касается роли Царя в дѣлѣ прославленія святых, то нельзя не признать, что Царь в этом вопросѣ шел, в духовном планѣ, впереди Синода, находившагося под извѣстным вліяніем вѣка, с его равнодушіем и скептицизмом в дѣлах вѣры. В частности, отсрочку канонизаціи митр. Іоанна Синод мотивировал необходимостью учесть политическія соображенія — в них уже во всяком случаѣ Царь мог считать себя болѣе компетентным, чѣм Синод! В общей же формѣ значеніе личности Царя в дѣлѣ канонизаціи святых, прославленных в его царствованіе, митр. Антоній (Кіевскій и Галицкій) характеризовал так в 1930 году:

«Царствованіе Императора Николая II ознаменовалось открытіем в Россіи мощей святых угодников и их прославленіем. Насколько в Россіи это дѣло в послѣднее время было трудным, видно из того, что послѣ открытія мощей св. Тихона Задонскаго в 1861 г., сопровождавшагося народным энтузіазмом и многими чудесами, по Россіи распространился слух, будто бы Император Александр II выразился, что это будет послѣдній святой в Россіи. Я не вѣрю, чтобы Государь мог сказать такую фразу, но самый факт распространенія такого слуха достаточно характеризует тогдашнія общественныя настроенія. В царствованіе Государя Императора Николая II были открыты мощи св. Θеодосія Черниговскаго (1896 г.), пр. Серафима Саровскаго (1903 г.), св. Іоасафа Бѣлгородскаго (1911 г.), Іоанна То-

больскаго, Анны Кашинской, Питирима Тамбовскаго. Я помню, как в одном из засѣданій Св. Синода один из Іерархов замѣтил, что нельзя же до безконечности продолжать прославленіе святых. Взоры присутствовавших обратились на меня, и я отвѣтил: «если мы вѣрим в Бога, то мы должны быть рады прославленію св. угодников». Из этого видно, заканчивает Владыка, насколько велико было благочестіе Государя, который почти первый рѣшился на это дѣло».

Приведеннаго нами матеріала достаточно для того, чтобы мы могли считать разъясненной природу разномыслія и разночувствія между Царем и обществом русским, поскольку тут дѣло было в различіи пониманія и оцѣнки существа царской власти и ея прерогатив в Россіи. Но этим мы еще не рѣшили вопроса в цѣлом. Самаго существеннаго мы еще не сказали и даже на него не намекнули! Вѣдь, как мы знаем, разномысліе и разночувствіе наблюдалось не только между Царем и людьми церковно-индифферентными (не говорим уже о людях враждебных и чуждых Церкви), а и между ним и людьми, и к Церкви близкими, и Царю преданными, — иногда до послѣдней капли крови!

Из вышесказаннаго понятно, почему не было общаго языка у Царя с кадетами или хотя бы с Витте. Но был ли у Царя дѣйствительно общій язык со Столыпиным, котораго Царь искренно и глубоко уважал и цѣнил и который с своей стороны дѣлом и са-

мой смертію своей доказал свою преданность Царю? Между Столыпиным и Царем, в болѣе, конечно, слабой. степени, но тоже ощущалось извѣстное и очень существенное разномысліе и разночувствіе.

Тут мы подходим к загадкѣ, которая находит себѣ разрѣшеніе только в событіях позднѣйших, для взора современников Царя в эпоху его царствованія недоступных. Вмѣстѣ с тѣм, мы подходим к явленіям, которыя нерѣдко люди, даже и не так уж далекіе от Церкви, отметают, наклеивая на них ярлык «мистики», «мистических настроеній» и т. д. Да, Царь, несомнѣнно, был во власти таких «настроеній». Другими словами, — он способен был знать и видѣть то, чего не могли видѣть и знать люди духовно менѣе одаренные и менѣе живущіе духом. И именно та настроенность, которая у Государя зрѣла в его «мистическом надсознаніи»,дѣлала его относительно-равнодушным ко всему тому культурному, экономическому, политическому блеску, который так украшал его царствованіе и на пользу котораго с таким увлеченіем, с таким подлинным пафосом работали его приближенные, его сотрудники — и впереди всѣх Столыпин.

Нужно, впрочем, сказать, что и Столыпин, по свидѣтельству лиц, его знавших, не вполнѣ чужд был «мистическаго» ощущенія бездны, которая грозила поглотить Россію. Чувство это,

в большей или меньшей степени, было свойственно чуть ли ни всѣм очень выдающимся русским консерваторам самаго разнаго психологическаго и умственнаго уклада. Оно лежало в основѣ того недовѣрія к положительным результатам гражданскаго развитія страны, которое с такой рѣзкостью обнаруживалось у Побѣдоносцева и Леонтьева. Оно, в разных дозах, присуще было и многим из тѣх, кто не склонен был идти за этими столпами «реакціи», причем этот страх ощущался ими нерѣдко совершенно инстинктивно, не поддаваясь уразумѣнію и находясь иногда в полном противорѣчіи с практически принятой ими политической позиціей.

Так это было и со Столыпиным. Он своей большой душой интуитивно иногда ощущал неблагополучіе, вѣявшее над Россіей, но, как человѣк практическаго дѣла и борьбы, не задумывался над этими «предчувствіями», гнал их от себя и продолжал лихорадочно работать в планѣ политическом и только в нем. И здѣсь, конечно, он был не всецѣло с Государем...

Позиція Столыпина была ясна. Россія зрѣет для величайщаго благоденствія и славы — вѣрнѣе даже, уже «дозрѣвает» для окончательнаго вступленія в новую блистательнѣйшую фазу своего міроваго существованія. Что ей нужно для этого? Относительно небольшой срок времени, потребный для завершенія ея политическаго перевоспитанія. Это перевоспитаніе нагляд-

но при Столыпинѣ совершалось и завершалось. Россія, с одной стороны, дѣлалась страной мелких собственников, избавляясь от проказы сельской общины и проникаясь здоровым сознаніем индивидуализма, хозяйственнаго и правового. С другой стороны, Россія, в составѣ своих имущих классов, постепенно приспособлялась и пріучалась к сознательной гражданской жизни, основанной на началах разумной свободы. Государственная Дума, при всѣх ея недочетах, в этом отношеніи служила, в глазах Столыпина, прекрасной школой, принося вмѣстѣ с тѣм полезные плоды и как контрольный аппарат над бюрократіей. Столыпин вѣрил, что эксцессы, отравлявшіе дѣятельность Думы, постепенно сгладятся, как проявленія дѣтской болѣзни. Он уже и видѣл положительный успѣх, в этом отношеніи достигнутый послѣ акта 3 іюня. Незадолго до смерти, он мечтал только о том, чтобы Россіи Бог дал мир еще на нѣсколько лѣт. Пишущему эти строки доводилось держать в руках письмо покойнаго премьера к Извольскому, которое проникнуто именно такими мыслями и настроеніями.

Эта программа Столыпина — в планѣ, свободном от «мистики»!—была абсолютно правильна и совершенно убѣдительна. Она увлекала его, поглощая всецѣло его силы. Она была тѣм идеалом, устремляясь к которому слагалась в Россіи новая политическая идеологія. На этой

идеологіи и вырастала нѣкая новая «Столыпинская» Россія. Но какое-то уже новое мѣсто занимал в ней старый русскій Царь!

Формально Царь продолжал, правда, быть в центрѣ всего. Не только никакой закон не мог воспріять силу без его утвержденія, но весь правительственный аппарат оставался в его руках. Важнѣйшія отрасли народной жизни продолжали быть в его всецѣлом единоличном вѣдѣніи, с устраненіем представительных учрежденій: Церковь и армія жили так, как онѣ жили до первой революціи. Но внутренняя связь, соединявшая Царя с Россіей, постепенно ослаблялась, сходила на нѣт. Россія наглядно выходила из-под власти Царя, она все больше тяготилась ею И чѣм болѣе осторожным и менѣе притязательным становилось воздѣйствіе на общество этой власти, тѣм раздражительнѣе относилось оно к проявленіям ея.

Тут мы подходим еще к одной загадкѣ, раскрытіе которой вскрывает факт постыдный, тягостный. Пока Россія жила сознаніем своих исконных подневольных обязанностей, оставаясь крѣпко стянутой узлом служилой и крѣпостной неволи, она была внутренне-крѣпка. По мѣрѣ же того, как она вкушала от плода гражданской свободы, неудержимо утрачивала она внутреннюю крѣпость и дѣлалась жертвой своеволія, анархіи, бунтарства. Великая вещь—гражданская свобода! Но она предполагает способность

и готовность свободнаго подчиненія. Русскіе Цари, от царствованія к царствованію, богато одаряли Россію благами гражданской свебоды. С необыкновенной послѣдовательностью, настойчивостью и любовью, еще задолго до Александра II, властно насаждали они ее в своей странѣ---насильственно порою внѣдряли, опираясь на тот капитал вѣрноподданническаго послушанія, который завѣщан был Московской Русью Петербургской Россіи. И они добились постепенно результатов грандіозных. Россія росла, как на дрожжах. Мы уже отмѣчали громадность ея гражданских успѣхов. Вот наступил момент, когда, наконец, послѣдніе остатки крѣпостничества в Россіи были упразднены! Это и было дѣлом знаменитой Столыпинской реформы, которая отнюдь не просто была агротехнической земельной реформой, а означала второе и подлинное освобожденіе крестьян от уз сословно-крѣпостной зависимости, с превращеніем их в равноправных граждан, живущих по общему гражданскому праву, как свободные собственники. Но в том то и была трагедія, что в глазах «свободной» Россіи Царь не так уж казался нужен! Правда, он и раньше перестал быть нужен для той темной массы общиннаго крестьянства, которую, логикѣ вопреки, продолжали держать, в составѣ граждански-свободной Россіи, на началах устарѣвшаго общинно-передѣльческаго крѣпостничества. Реформа

Столыпина своей прямой задачей и имѣла создать новаго крестьянина - собственника, способнаго занять мѣсто того общинника-передѣльщика, который с каким то экстатическим упрямством ждал от революціи вожделѣннаго черного передѣла, котораго он не дождался и который он извѣрился получить от Царя. Но, повторяем, в том то и была бѣда, в том и был стыд и мрак, раскрывающійся в процессѣ раскрытія русской исторической загадки, что начало гражданской свободы не уживалось в русском быту с прежним церковно-православным и вѣрноподданническим сознаніем. В том-то и была русская трогедія, что гражданскій расцвѣт Россіи покупался цѣной отхода русскаго человѣка от Царя и от Церкви. Свободная Великая Россія не хотѣла оставаться Святой Русью! Разумная свобода превращалась в мозгу и в душѣ русскаго человѣка в высвобожденіе от духовной дисциплины, в охлажденіе к Церкви, в неуваженіе к Царю...

Царь становился, с гражданским расцвѣтом Россіи, духовно-психологически лишним. Свободной Россіи он становился ненужным Внутренней потребности в нем, внутренней связи с ним, должнаго піэтета к его власти уже не было. И чѣм ближе к престолу, чѣм выше по лѣстницѣ культуры, благосостоянія, умственнаго развитія — тѣм разительнѣе становилась духовная пропасть, раскрывавшаяся между

Царем и его подданными. Только этим можно, вообще, объяснить факт той устрашающей пустоты, которая образовалась вокруг Царя с момента революціи. Вѣдь, не забудем, что, если акт 17 октября был у Государя вымучен, то буквально вырван у него был акт отреченія. Царь не потерял головы при первых признаках революціи. При всей своей кротости и незлобіи он, как то и раньше бывало по отношенію к «крамолѣ», готов был проявить необходимую крутость. Однако, его схватили за руки. Хуже: его просто покинули. Вмѣсто помощи он нашел не просто трусость и измѣну, как он горестно писал своим близким, а нѣчто худшее, ибо владѣло оно и тѣми, кому чужды были и трусость и измѣна. Не трусость и не измѣна диктовали Алексѣеву и вел. кн. Николаю Николаевичу слова настойчиваго убѣжденія, обращенныя к Царю с требованіем его отреченія. Это было острое проявленіе того психологическаго ощущенія ненужности Царя, которое охватывало Россію. Каждый дѣйствовал по своей логикѣ и имѣл свое пониманіе того, что нужно для спасенія и благоденствія Россіи. Тут могло быть много и ума и даже государственной мудрости. Но того мистическаго трепета перед Царской властью и той религіозной увѣренности, что Царь-Помазанник несет с собою благодать Божію, от которой нельзя отпихиваться, замѣняя ее своими домысла-

ми — уже не было. Это исчезло. Как инач объяснить еще ранѣе воникшее дружное сопротивленіе, которое вызвано было рѣшеніем Царя возглавить лично армію? Всѣ думали сдѣлать все лучше сами, чѣм это способно дѣлать Царское правительство! Это, надо сказать, не только о земцах, которые тяготились относительно очень скромной опекой министерства внутренних дѣл, не только о кадетах, мечтавших о министерских портфелях, но и о тѣх, относительно очень правых, общественных дѣятелях, которые входили в прогрессивный блок. Это можно было сказать даже и о Царских министрах, которые уж очень легко заключали, что они все могут сдѣлать лучше Царя.

Мы сейчас говорим о последних днях Россіи. Но и тогда, когда не было на политическом горизонтѣ ни малѣйшаго внѣшняго признака готовившейся бѣды, ея элементы были налицо. С одной стороны, стоял «Прогресс» Россіи — прогресс несказанный, величественный, прогресс не просто матеріальный и культурный, прогресс и гражданскій. Это послѣднее обстоятельство особенно сильно способно было искажать перспективу. Вѣдь Столыпин явно, наглядно справлялся с революціей!... Справлялся с ней не только на фронтѣ полицейском, но и на фронтѣ политическом! Россія мужала, зрѣла, крѣпла в своей новой гражданственности.

Если отбросить «мистическій» план жизни,

то можно было сказать с абсолютной увѣренностью: дайте Россіи двадцать пять лѣт спокойнаго существованія, и она будет непобѣдима, так как она вся превратится в страну застрахованных против революціоннаго яда, крѣпких консервативных собственников».. В перспективѣ соціально-политической это было вѣрно.

Иное раскрывалось глазу внутреннему, способному зрѣть «духовное». В этой «мистической» перспективѣ, соціально-политическій прогресс был чѣм-то вторичным, поверхностным, паразитарным. Всѣ успѣхи, в этом направленіи достигнутые в царствованіе Императора Николая II, были послѣдними всплесками громадной, но упадающей духовной волны, которая в свое время подняла из ничего русскую землю и дала ей постепенно неслыханное величіе и славу, а теперь растекалась исчезающей пѣною. И это-то духовное опустошеніе Россіи и чувствовал, непосредственно осязал своим духовным чутьем Государь. Он сам весь, всецѣло, был сыном духовной Россіи. В ней были и всѣ его интересы. А эти интересы уже стали чуждыми, непонятными или мало понятными даже его ближайшим помощникам. Для него, напр., вопрос канонизаціи св. Іоанна Тобольскаго был событіем исключительной важности, а для главнаго работника по осуществленію столыпинской реформы, умна-

го, честнаго и праваго В. І. Гурко, это была мелочь, в отстаиваніи которой проявилось лишь мелочное своеволіе Царя! Это было «по меньшей мѣрѣ произвольное рѣшеніе», вызвавшее, по мнѣнію Гурко, справедливое негодованіе, «как среди общественности, так и у іерархов Церкви».

Да, Царь был уже несовременен Россіи. Царь, дѣйствительно, продолжал быть человѣком одного духа с царем Өеодором Іоанновичем, котораго, кстати сказать, ближайшіе потомки готовы были ублажать как святаго. Он, правда, был, в отличіе от немощнаго сына Грознаго, блестящим, так сказать, профессіоналом царскаго ремесла, достойным преемником своих великих предков и вѣрным продолжателем их традицій. Но не «професссія» высшаго государственнаго управленія была смыслом его жизни, а нѣчто большее и высшее — то именно, что и роднило его с послѣдним вѣнценосным Рюриковичем: принадлежность его к Церкви и сознаніе тѣх обязанностей, которыя отсюда вытекали. Это живое чувство всецѣлой принадлежности к Церкви должно было дѣлать для него «професссію» царя иногда тягостной, в условіях отхода общества от Церкви. Как легко отказался бы он от нея! Кажется, иногда он и мечтал об этом. Но это же чувство принадлежности к Церкви исключало для него возможность не только «дезертирства», но даже

простой невѣрности своему высокому сану. Царь не просто умно и талантливо выполнял обязанности Царя, он нес «послущаніе» своего званія — тѣм болѣе трудное, чѣм рѣзче и яснѣе для него обозначались руки, тянущіяся к его вѣнцу, и чѣм явственнѣе обнаруживалась неспособность русскаго общества одуматься, очухаться от лихорадки гражданскаго самомнѣнія, которая его охватила и которая дѣлала его безразличным к вопросу охраны царскаго вѣнца от этих кощунственных рук.

Первая встрѣча с народом, когда с внѣшней наглядностью обнаружилось одиночество Царя, его покинутость народом, его ненужность для него, произошла в момент созыва первой Думы. Что там ни говорить — народ прислал своих представителей в Думу, и она выражала мнѣнія и настроенія народа. Вот как описывает торжественный пріем в Зимнем Дворцѣ (27 апр. — 10 мая 1906 г.) народнаго представительства гр. Олсуфьев:

«Государь поразил меня своим видом: цвѣт лица у него был необычайный: какой то мертвенно-желтый; глаза неподвижно устремлены вперед и нѣсколько кверху; видно было, что он внутренне страдает. Длительная церковная служба постепенно разогрѣла присутствующих членов Думы. Начали молиться. При многолѣтіи чувство глубокое охватило многих.

«По окончаніи службы Государь и Царица приложились к кресту. Духовенство и Царская семья прошли вперед и стали на назначенных

мѣстах около трона. Среди общаго движенія сначала не замѣтили, гдѣ же был он. Между тѣм Государь остался один на прежнем мѣстѣ между эстрадами. Когда всѣ разставились около трона, взоры зала направились на него, стоявшаго одиноко. Напряженіе чувств достигло высшей степени. С полминуты он продолжал стоять неподвижный, блѣдный, попрежнему страдальчески сосредоточенный. Наконец, он пошел замедленным шагом по направленію к трону, неторопливо поднялся по ступеням, повернулся лицом к присутствующим и, торжественно подчеркивая медленностью движеній символическое значеніе совершающагося, «возсѣл на трон». С полминуты он сидѣл неподвижно в молчаніи, слегка облокотившись на лѣвую ручку кресла. Зала замерла в ожиданіи... Министр Двора подошел к Государю и подал ему лист бумаги. Государь поднялся и начал читать...

«Государь как бы усиливался читать сдержанно, не давая выхода волновавшим его чувствам. Легким повышеніем голоса были отмѣчены слова «лучшіе люди», «буду непоколебимо охранять дарованныя мною учрежденія», «дорогое моему сердцу крестьянство». Как то особенно осталось у меня в памяти упоминаніе о малолѣтнем Наслѣдникѣ... Наконец, прозвучали послѣднія слова, произнесенныя с разстановкой—

— Бог в помощь Мнѣ и вам.

«И торжество закончилось. Громкое ура охватило зал, сливаясь с звуками народнаго гимна, который исполнял оркестр на хорах. Государь, в сопровожденіи Царской семьи и Двора, шествовал обратно, отвѣчая легким наклоненіем головы на привѣтствія справа и...слѣва».

Когда возникла вторая революція, встрѣчи Царя с «народом» уже не произошло. К этому времени Царь оказался одиноким даже пред лицом своих ближайших соратников! Трудно вообразить что нибудь болѣе трагичное, чѣм положеніе Царя непосредственно перед революціей и в первые ея дни. Когда Государь уже перестал быть Царем, а стал просто «христіанином», он мог страдать от грубости, навязчивости, безтактности окружавшей его среды, но он уже был душою спокоен: он нес новый крест, на него Богом возложенный. Но достаточно вспомнить все то, что мы выше говорили о природѣ царской власти и о том глубоком пониманіи ея Царем Николаем II, чтобы уразумѣть весь ужас, который должен был пережить он пред перспективой ухода с своего поста под натиском Революціи...

И можно быть увѣренным: если бы революціонеры говорили с ним без подставных лиц, никогда не было бы отреченія и не было бы никогда «безкровной» русской революціи. У Царя отняли вѣнец не революціонеры, а генералы, сановники, великіе князья, спасовавшіе перед ставшей на революціонный путь Думой — и, опять таки, пред почти всей Думой, а не только перед ея радикальным крылом! Милюков был вправѣ озаглавить первую главу своей «Исторіи второй русской революціи» так: «Четвертая Государственная Дума низлагает мо-

нархію».

«Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ!» — Вот, когда Царь мог до конца реализовать смысл слов св. Іова, столько раз им повторяемых в теченіе своей жизни, в муках тяжкаго предчувствія. Нужно, однако, поражаться, с каким самообладаніем, с какой выдержкой, с какой мудростью и здѣсь дѣйствовал Царь. Он никогда и раньше не отдѣлял интересов своих от интересов страны. Готов он был и сейчас стать искупительной жертвой для спасенія Россіи. Вѣдь этот крест свой он предсознавал в прежнее, благополучное, время своей жизни! Твердо и спокойно принял он его. Все было им обдумано с точки зрѣнія интересов Россіи, когда он совершал отреченіе. Всѣ кругом обезумѣли, все дѣлали впопыхах, опрометью. Один Царь был трезв, сосредоточен, разумен.

III

КАТАСТРОФА

«Отец мой пал на бреши, но в его лицѣ удар нанесен христіанскому обществу. Оно погибнет, если общественныя силы не объединятся и не спасут его».

Так писал Император Александр III Императору Францу-Іосифу в 1881 г., под свѣжим впе-

чатлѣніем катастрофы 1 марта. Царствованіе Императора Александра III было временем внутренняго спокойствія; революція притаилась. Россія быстро «входила в тѣло», наливаясь соками. Но это был штиль перед бурей. Сознательнаго объединенія общественных сил вокруг Царя для спасенія русскаго «христіанскаго общества» не произошло!

Штурм возобновился с новой силой при сынѣ Императора Александра. Не нужно, однако, думать, что уж так были могучи кадры революціи в эпоху Императора Николая II: они были ничтожны по сравненію с государственной мощью Россіи. Бѣда была в том, что с угрожающей быстротой убывала у общества способность оказывать сопротивленіе разрушительным ядам революціи, да и пропадало просто самое желаніе им противодѣйствовать. Россія была больна. Процесс болѣзни развивался наглядно. К смерти ли была болѣзнь? Увы! Самыя сильныя средства не помогали! Не оказала спасительнаго воздѣйствія и грандіозная встряска 1905 г.

«Люди обратились в звѣрей, звѣрей лютых безпощадных, для укрощенія коих не было других средств, кромѣ оружія. И вот загремѣли пушки, пулеметы... И в древних храмах русской столицы мы молились при громѣ этих выстрѣлов, как будто в осажденном городѣ...» — писал, встрѣчая Новый, 1906-ой, год, архіепископ Никон в Троицких листках.

«Так закончился год, этот мрачный, «черный», позорный год — год великих скорбей и гнѣва Божія... Что пережило бѣдное русское сердце? Что перестрадало многострадальное, воистину мученическое, сердце нашего добраго, кроткаго. любвеобильнаго Царя? Не были ли муки Его сердца томительнѣе мук великаго ветхозавѣтнаго страдальца Іова?

«Господи! Да доколѣ же это?! Ужель фіал гнѣва Твоего еще не истощился до дна? Или еще рука Твоя карающая высока?!. О, мечу Божій! Доколѣ не успокоишися? Доколѣ не внидеши в ножны твоя?...

«Но уже текут рѣки крови и потоки слез, уже несутся-к небу стоны безпомощных вдов и несчастных малюток-сирот: ради этой крови, этих слез, этих стонов, смилуйся, Господи, над нашей многогрѣшной Русью!... Не помяни беззаконій наших, опусти карающую руку, вложи меч Твой в ножны, помяни милости Твоя древнія и — сжалься над несчастною нашей Родиной!

«Воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти нас!»

Так переживал Смуту 1905—1906 г. г. добрый сын Церкви. Но не так восприняло страшный урок русское общество. Не уразумѣло оно знаменія гнѣва Божія! Да и мало думало оно о Богѣ.

Настал період новаго благоденствія, еще болѣе яркій, еще болѣе блистательный, чѣм при Императорѣ Александрѣ III. Но не ко спасенію пошла и эта милость Божія, не вразуми-

ли русское общество и эти дары Божіей благодати, так обильно вновь одождившіе Россію. Общество не прозрѣло, не очухалось от революціоннаго угара, ничему не научилось: единаго фронта охранительных общественных сил вокруг правительственной власти не сложилось и теперь, в этот послѣдній час. Антитеза «мы» и «они» осталась в полной силѣ. Баснословно широко разливалась волна оппозиціи; «лучшіе люди» готовы были как угодно далеко идти в соглашательствѣ с Революціей — только бы не оказаться на сторонѣ Царскаго правительства.

Губительный, смертельный пароксизм революціонной горячки Россія испытала в февральскіе дни. Безпорядки, возникшіе в Петербургѣ, ничего угрожающаго сами по себѣ не представляли. Они относительно легко могли быть подавлены. Незначительные перебои в доставкѣ продовольствія раздулись, в воспаленном воображеніи общества, в нѣчто, якобы дающее населенію право на то, чтобы «выйти на улицу» с требованіем хлѣба. Объективная обстановка, не отвѣчала этой инсценировкѣ «голодных безпорядков»: Россія в цѣлом, а уж тѣм болѣе в Петербургѣ, жила не хуже, а, может быть, и лучше, чѣм до войны. Трезвая оцѣнка положенія, произведенная глазом опытнаго администратора, легко подсказала бы мѣры, которыя неизбѣжны в таких случаях и которыя выполня-

ются самопроизвольно, под дѣйствіем своего рода инстинкта государственнаго самосохраненія.

Однако, Россія дошла уже до такого состоянія, что у нея инстинкт самосохраненія перестал функціонировать: не нашлось скромной военно-полицейской силы, способной в самом зародышѣ подавить бунт, так безпощадно врывавшійся в русскую жизнь в момент, когда Россія была, как никогда, близка к реализаціи военнаго успѣха. В каком то болѣзненном экстазѣ восторженнаго бунтарства, Россія внезапно ополоумѣла, и во мгновеніе ока омерзительный, предательскій бунт облекся в глазах общества ореолом «Революціи», пред которым безсильно склонилась и полицейская и военная сила.

Чуть ли не единственным человѣком, у котораго не помутилось національное сознаніе, был Царь. Его духовное здоровье ни в какой мѣрѣ не было задѣто тлетворными вѣяніями времени. Он продолжал смотрѣть на вещи просто и трезво. В столицѣ, в разгар войны—Великой войны, от исхода которой зависѣла судьба міра! — возник уличный бунт! Его надо на мѣстѣ подавить с той мгновенной безпощадностью, которая в таких случаях есть единственный способ обезпечить минимальную трату крови. Это было Царю так же ясно, как было ему ясно при болѣе ранних его столкновеніях с общественным мнѣніем, что во время войны, и притом, бу-

квально, накануне конечной побѣды над внѣшним врагом, нельзя заниматься органическими реформами внутренними, ослабляющими правительственную власть.

Царь был на фронтѣ, во главѣ армiи, продолжавшей быть ему преданной. Так, кажется, просто было ему покончить с бунтом!

Но для этого надобно было, чтобы то, что произошло в Столицѣ, было воспринято государственно-общественными силами, стоящими во главѣ Россiи, именно как «б у н т». Для этого надобно было, чтобы Царь мог пойти усмирять столичный «б у н т», как общерусскiй Царь, спасающiй Родину от внутренняго врага, в образѣ бунтующей черни грозящаго ея бытiю! Этого то как раз и не было. Между бунтующей чернiю и Царем встал барьер, отдѣлившiй страну от ея Богом Помазаннаго Державнаго Вождя. И встали не случайныя группы и не отдѣльные люди, а возникла грандiозная по широтѣ захвата коалицiя самых разнокачественных и разномыслящих групп и людей, объединенных не мыслью о том, как сгрудиться вокруг Царя на защиту Страны — а, напротив того, мыслью о том, как не дать Царю проявить державную волю; мыслiю о том, как — страшно сказать!—спасти страну от Царя и его семьи.

Что же было дѣлать Царю? Укрыться под зашиту оставшихся Ему вѣрными войск и

итти на Столицу, открывая фронт внутренней войны и поворачивая тыл фронту войны внѣшней? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять морально-психологическую невозможность вступленія Царя на этот путь.

Ѣхать в Столицу, чтобы там, в сотрудничествѣ с ведущими силами страны подавить, бунт, опираясь на военную силу, хотя бы цѣною тяжелых, если это неизбѣжно, жертв, — на это готов был Царь. Но рвать с «лучщими людьми» страны и идти не карательной экспедиціей против столичной черни, выбросившей красное знамя, а междуусобной войной против Столицы, ставшей центром сопротивленія именно Ему во имя какого то новаго устроенія общегосударственной власти и не вызывавшей отталкиванія даже у ближашаго окруженія Царя — этого не мог сдѣлать Царь.

Государь, внезапно оказался без рук: он ощутил вокруг себя пустоту. Вмѣсто честных и добросовѣстных исполнителей своих предначертаній он уже раньше все чаще видѣл «совѣтников» и «подсказчиков», в глазах которых «Он» мѣшал им «спасать» Россію! У него прямо вырывали «министерство общественнаго довѣрія». Можно легко представить себѣ, с какой горечью должен был уже раньше выслушивать Царь подобные совѣты в тѣх, тогда еще относительно рѣдких, случаях, когда они назойливо предъявлялись ему чуть ли не в ультиматив-

ной формѣ. Так, англійскій посол имѣл смѣлость предложить Царю уничтожить «преграду», отдѣлявшую его от народа — и тѣм снова заслужить довѣріе народа.

— Думаете ли вы, — с достоинством отвѣчал ему Царь, — что я должен заслужить довѣріе моего народа, или что он должен заслужить мое довѣріе?

Похожія рѣчи пришлось выслушать однажда Царю и от предсѣдателя Государственной Думы Родзянко. Настойчивость родовитаго и сановнаго возглавителя народнаго представительства довели Царя до того, что он, закрыв лицо руками, произнес:

— Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался?

— Да, Ваше Величество, — был самоувѣренный отвѣт. — Двадцать два года вы стояли на неправильном пути...

С этим неумным барином пришлось теперь столкнуться Царю, дѣйствующим уже в качествѣ представителя побѣдоносной Революціи, властно от ея имени диктующаго Царю, как ему надо поступать, чтобы, наконец, пока не поздно, попасть на «правильный путь». Наивно вѣря в то, что «отвѣтственное перед Думой» правительство сумѣет остановить Революцію, Родзянко торопил Царя с этой мѣрой. О подавленіи «бунта» силой в его глазах не могло

быть и рѣчи.

Вѣдь, то, что произошло в Петербургѣ, не был «бунт»: то была «Революція!» Ее надо было умилостивлять уступками, возможно скорыми, мгновенными, способными остановить возгорающійся ея аппетит. Стоя у одного конца прямого провода, Родзянко волновался и негодовал по поводу того, что Царь недостаточно быстро реагирует на его требованія об уступках. К сожалѣнію, у другого конца этого провода не было людей, способных оборвать безплодныя рѣчи и без всяких околичностей поставить себя в распоряженіе Царя... «Революція» и в Ставкѣ, в глазах окружавших Царя генералов, была уже не просто силой внѣшней и вражеской, а она была авторитетом. Этот авторитет давил на их волю, на их совѣсть. Самодержавный Царь был уже как бы чѣм-то отжившим, устарѣлым, выходящим в тираж. «Будущее» шло ему на смѣну — какое, никто толком не знал и не понимал, но, во всяком случаѣ, далекое от навыков и традицій прошлаго. В глазах даже этого — «генеральскаго» — общества, судьба Россіи безповоротно отдѣлилась от судьбы «самодержавія». Царь один этого не понимал!...

Да! Царь этого не понимал. Он готов был возстановить порядок самыми крутыми мѣрами — и тѣм спасти Россію,

— Я берег не самодержавную власть, —сказал он старому другу своей семьи, Фредериксу,

— а Россію.

В этом убѣжденіи он оказался одинок. Ближайшее окруженіе его стало на сторону «бунта» и свои устремленія направило на соглашательство с ним.

Психологическую опору это настроеніе находило в убѣжденіи, принявшем в то психически-больное время форму навязчивой идеи, будто Царь, и особенно Царица, препятствуют нормальному веденію войны! Измѣна Царю тѣм самым облекалась в патріотическій покров. Убрать Царя и Царицу — в этом намѣреніи сходились и «бунтовщики» и «патріоты». Что было дѣлать Царю?

Оставалась одна надежда спасти Россію: признать, что, дѣйствительно, по каким то непонятным, но вполнѣ реальным причинам, лично он с Царицей являются помѣхой для успокоенія Россіи и для срочнаго возврата ея на путь безперебойнаго продолженія войны.

Уйти — уступить мѣсто на Тронѣ другому и тѣм образумить Россію. Пред этим рѣшеніем склонился Царь, как перед необходимостью, опредѣляемой обстоятельствами непреодолимыми. Как мог Царь поступить иначе, когда на этот путь толкала его не только настойчивость петербургскаго прямого провода, но и армія!

Не кто иной, как генерал Алексѣев, предложил Государю разослать запросы главнокоман-

дующим фронтами по вопросу от отреченіи от престола. Самая форма запроса с несомнѣнностью показывала, что ближайшій к Государю человѣк ищет у своих помощников поддержки своему настойчивому совѣту. В запросѣ было прямо сказано: «Обстановка, повидимому, не допускает иного рѣшенія». Отвѣты были единогласны. Не составил исключенія и отвѣт великаго князя Николая Николаевича. Бывшій Верховный телеграфировал:

«Считаю необходимым, по долгу присяги, колѣнопреклоненно молить Ваше Величество спасти Россію и Вашего Наслѣдника. Осѣнив себя крестным знаменіем, передайте ему Ваше наслѣдство. Другого выхода нѣт».

Запросы и отвѣты датированы 2 мартом 1917 г. В этот же день Государь телеграфировал Предсѣдателю Государственной Думы: «Нѣт той жертвы, которую я не принес бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія Россіи. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына, при регентствѣ брата моего Михаила».

Судьба Россіи была рѣшена. С этого момента — спасенія для нея не было. Генерал Алексѣев едва ли не первый протрезвѣл, — но было поздно. Уже 3-го марта он сокрушенно говорил: «Никогда не прощу себѣ, что повѣрил в искренность нѣкоторых лиц, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об

отреченіи Государя от престола».

Царь только в одном измѣнил свое рѣшеніе: он отрекся и за себя и за сына. Можно думать, что не только соображенія о здоровіи Наслѣдника играли здѣсь роль. Вѣроятно, приняты были во вниманіе и соображенія государственныя: раз необходимость отреченія диктовалась отрицательным отношеніем «народа» к личности Царя и Царицы — не лучше ли было власть передать лицу совершеннолѣтнему, а не отроку, неотдѣлимому от родителей? Вообще удивительна та собранность мысли и разсудительность поведенія, которыя проявил отрекающійся от престола Монарх: он все сдѣлал, чтобы облегчить положеніе своим преемникам по власти.

Вот, как об этом говорится в изданном кн. Д. Д. Оболенским очеркѣ, посвященном Государю Императору Николаю II и составленном по матеріалам, собранным «старым профессором»: «Он сдѣлал все от него зависящее, чтобы обезпечить своим преемникам успѣх в борьбѣ с внѣшним врагом и внутренними безпорядками. Понимая отлично, что регент не будет имѣть того авторитета, как Император, что лица, способствовавшія перевороту, всегда будут бояться возмездія со стороны сына низложеннаго Императора, Император Николай II измѣнил первоначальную мысль об отказѣ в пользу сына и отказался в пользу брата. Мало того,

он указал брату путь сближенія с народным представительством (присяга конституціи, отвѣтственный кабинет). Он дал приказ Арміи и Флоту бороться до конца за Россію в единеніи с союзниками и повиноваться Временному Правительству (без этого приказа многіе офицеры не принесли бы ему присяги). Он успѣл до отреченія назначить Главнокомандующим Великаго князя Николая Николаевича и Предсѣдателем Совѣта Министров — кн. Г. Е. Львова, котораго Государственная Дума намѣчала на этот пост, именно для того назначил, чтобы оставшіеся вѣрными Государю могли со спокойной совѣстью подчиниться тѣм, кому повиновеніем обязал их сам Государь. Все было обдумано, все взвѣшено...»

Государь, покидая Трон, поглощен был мыслью о том, как пойдут дѣла на фронтѣ. Война была в центрѣ его жизни. «И подумать только, — сказал он с печалью одному из офицеров свиты, — что теперь, когда я уже больше не Император, мнѣ не позволят даже сражаться за мою родину». С какою болью в сердцѣ отрывался от арміи ея Державный Вождь, с какой тягостной заботой: будут ли также думать о нуждах доблестных защитников Россіи теперь, когда не будет его неусыпнаго глаза?

Ген. Н. М. Тихменев, начальник военных сообщеній театра военных дѣйствій во время

Великой войны, передавая свои воспоминанія о послѣднем прощаніи Государя со своими сотрудниками по Ставкѣ, отмѣчает, между прочим, прощальныя слова, обращенныя Государем к нему и к главному полевому интенданту ген. Егорьеву. Как характерны эти слова! Подав обоим руку и на секунду задумавшись, Государь, разсказывает Тихменев, потом, подняв на меня глаза и глядя в упор, сказал: «помните же, Тихменев, что я говорил вам, непремѣнно перевезите все, что нужно для арміи», и, обращаясь к Егорьеву: «а вы непремѣнно достаньте; теперь это нужно больше, чѣм когда либо. Я говорю вам, — что я не сплю, когда думаю, что армія голодает».

А прощальное обращеніе Царя к Арміи?

Нельзя без волненія читать его. Какое безпредѣльное самоотверженіе звучит в нем, какая преданность долгу обороны страны! Страшным укором должен был прозвучать этот прощальный Царскій привѣт войскам по адресу тѣх, кто боролся с Царем, сверг его и занял его мѣсто. Не этим ли объясняется, что обращеніе Царя, опубликованное ген. Алексѣевым по Арміи, не допущено было Временным Правительством к распространенію?...

Вот этот историческій документ:

«В послѣдній раз обращаюсь к вам горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына от престола Россійскаго,

власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможет Бог и вам, доблестныя войска, отстоять нашу Родину от злого врага... Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

«Кто думает теперь о мирѣ, кто желает его — тот измѣнник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так и мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте же доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое послабленіе порядка службы только на руку врагу.

«Твердо вѣрю, что не угасла в ваших сердцах безпредѣльная любовь к нашей Великой Родинѣ. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к побѣдѣ Святой Великомученик и Побѣдоносец Георгій.

8 марта 1917 г. Ставка».

Для уходящаго Царя думы о Россіи неотдѣлимы были от исповѣданія Православной Вѣры: только под св. стягом Великомученика Георгія мыслил он побѣду! Не так уже думала и чувствовала Россія. Простившись с Царем, Россія прощалась и с вѣрою отцов.

«Россія никогда не будет побѣждена, и это не столько благодаря обширной своей территоріи, сколько благодаря душѣ своего народа,

которая все будет горѣть и страдать, страдать и горѣть. Русскіе могут потерять весь мір, но они сохранят свою душу».

Так писал во время Великой войны архіепископ Лондонскій, передавая своим единоплеменникам и единовѣрцам то реальное впечатлѣніе, которое испытывал каждый вдумчивый и чуткій иностранец, прикасавшійся к Россіи. Так оно и было. Теперь, с отказом от Царя, Россія отрекалась и от своей души.

«Помни, Россія, — восклицал в срединѣ XIX вѣка, в разгар Великих Реформ, в бытность его еще архимандритом, знаменитый церковно-православный проповѣдник, епископ Іоанн (Смоленскій), — что в тот день, когда ты посягнешь на свою вѣру, ты посягнешь на свою жизнь...».

Этот день наступал с вынужденным уходом Царя, с отреченіем от него русскаго народа. Вот, когда мог русскій народ восклицать, обливаясь слезами: «Погибаем, погибаем...» Ибо подлинно «закатилось Солнце Земли Русской».

Забыв о Царѣ, Россія забыла о войнѣ, забыла о Родинѣ, забыла и о Богѣ. «Россія» вообще перестала существовать, как нѣкая соборная личность. Осталась разсыпанная храмина, в которой не могло уже ничего сплотиться достаточно стойкаго ни для защиты Царя, ни для защиты Бога, ни для защиты Родины.

В возникающем хаосѣ судьба Царя и его

семьи была предрѣшена. С необыкновенной быстротой оказался он на положеніи поднадзорнаго арестанта. Пусть клевета замолкла незамедлительно, как только открылась возможность провѣрки ея на фактах: Царь и его семья были чисты, как стеклышко и в политическом и семейно-общественном отношеніях. Какое это теперь имѣло значеніе? О Царской семьѣ мало уже кто думал: всѣ думали о себѣ, о своих текущих нуждах и болѣзнях, которых становилось все больше и больше...

Предоставленная себѣ, изолированная от внѣшняго міра, подвергнутая режиму, колеблющемуся между положеніем домашняго ареста и политической тюрьмы, Царская семья обнаружила силу христіанскаго духа необыкновенную. Сіяніе шло от этих, исполненных любви и смиренія, людей, и нужно было, дѣйствительно, утратить самый облик человѣческій, чтобы, приблизившись к ним, не проникнуться к ним симпатіей и почтеніем. Не осталось у меня в памяти подробностей, но довелось мнѣ слышать из уст извѣстнаго журналиста Петра Рысса разсказ, о том, какое неизгладимое впечатлѣніе вынес нѣкій (не помню его фамиліи) старый революціонер, приставленный одно время для наблюденія за поведеніем Царской семьи: он не мог иначе говорить о них, как с чувством восторженнаго умиленія.

Достаточно прочесть книги ген. Дитерихса

или Соколова, чтобы испытать на себѣ дѣйствіе этого обаянія чистоты и святости. А стихотвореніе-молитва Вел. Княжны Ольги? Его должны бы знать русскія дѣти...

Промыслительной Своей десницей Господь любовно взращивал Свое насажденіе. И вот настал день, когда ангелы приняли в свои свѣтлыя объятія свѣтоносныя души Царя и его Семьи... Роковой цѣпью докатились событія до Екатеринбургскаго злодѣянія. Кровью Царя обагрилась Россія. Мученической смертью почил послѣдній Русскій Царь.

Кажется, никто еще не обратил вниманія на необыкновенное совпаденіе, способное заставить горестно задуматься над судьбами несчастной Россіи. «День скорби», день Екатеринбургскаго злодѣянія совпал с днем памяти св. князя Андрея Боголюбскаго, то есть того русскаго князя, который, если не по имени, то по существу, по замыслу, был первым русским Царем!

Мученической смертью погиб и этот вѣнценосец, головою своей заплатив за то, что чуть не четырьмя столѣтіями шел он впереди своего вѣка. И вот, в тот самый день, когда Церковію поминается блаженная память причтеннаго к лику святых Монарха-мученика, бывшаго предчетею идеи православнаго Царства Россійскаго, падает жертвою за ту же идею — послѣдній Русскій Царь.

Сомкнулась цѣпь времени! И что еще примѣчательно!!.

Свершилось паденіе Царскаго Црестола на Руси и самой Державы Россійской в тот самый момент, когда Россія, впервые за всю свою Исторію, была у конечной цѣли всей своей жизнедѣятельности, как Царства Православнаго! Сверженіе Царя сорвало побѣдный для русскаго оружія конец Великой войны. Между тѣм, что обѣщало Россіи побѣдоносное завершеніе войны? Отвѣт на этот вопрос даст нам замѣчательное слово, сказанное митрополитом Антоніем в Недѣлю Православія в Храмѣ Спасителя в Москвѣ в 1918 г.

Знаменитый архипастырь, прежде всего, указал на то, что торжество Православія, в отличіе от принятаго обычая справлять его в древнем Успенском соборѣ, как это и происходило в теченіе четырех с половиною вѣков, нынѣ справляется в Храмѣ Спасителя. Почему? Загражден путь в священный Кремль! Пастырей и паству не пускают в чудотворную древнюю церковь Успенія! Проповѣдник обращает далѣе вниманіе вѣрующих на поразительный контраст по сравненію с прошлым годом, когда в срединѣ февраля совсѣм иного ожидали от предстоящаго года.

«Тогда наши вѣрныя войска грозною стѣною собрались против врага и, усилившись вчетверо по своему числу и по количеству оружія, должны были с наступленіем весны быстрым

побѣдоносным потоком пройти по вражеской землѣ до Вѣны и Берлина и достигнуть тѣх цѣлей, с которыми начата была русским народом та священная и самоотверженная война, т. е. освободить доблестное племя православных сербов от поработительных посягательств еретиков, протянуть руку братскаго общенія к умолявшим о том Россію нашим единокровным малороссам-галичанам и освободить от инороднаго ига их родину, — нашу родину, наслѣдственный удѣл Равноапостольнаго Владимира, русскую Галицію, и что всего важнѣе, — дать ея сынам, а нашим родным братьям возможность возвратиться в лоно св. Церкви от уніатской ереси, куда вовлекли ее насиліем поработителей и коварством іезуитов.

«Да, год тому назад, мы, всѣ русскіе люди, надѣялись на то, что сегодняшнее торжество Православія мы будем справлять уже вмѣстѣ с ними, что к этому дню, как было сказано, уже не будет Подъяремной Руси, а единая свободная и православная Русь.

«Но и этим не ограничивались наши желанія. Уже исполнен был рисунок креста для водворенія его на куполѣ Константинопольской Софіи; уже близко было к исполненію обѣщаніе московскаго царя Алексѣя Михайловича, данное от имени своего потомства и всего русскаго народа Восточным Патріархам, — обѣщаніе освободить православные народы из под ига невѣрных мусульман и возвратить христіанам всѣ древніе храмы, обращенные в магометанскія мечети.

«Россія должна была занять проливы Чернаго моря, но не покорять себѣ священной столицы великой Византіи, а возстановить это

священное государство наших отцов и учителей по спасительной вѣрѣ Христовой, т. е. греков, а себѣ пріобрѣсти отечество всѣх истинных христіан, т. е. Святую Землю, Іерусалим, Гроб Господень, и, соединив ее широкой полосой земли с Южным Кавказом, заселить тѣ святыя мѣста добровольными русскими переселенцами, которые ринулись бы туда в таком изобиліи, что в нѣсколько лѣт обратили бы Палестину и Сирію в какую нибудь Владимирскую или Харьковскую губернію, конечно, сохранив всѣ преимущества того полумилліона христіан и их пастырей, которые донынѣ уцѣлѣли еще там от турецких насилій.

«Не один русскій православный люд жил такими надеждами и полагал за них сотни тысяч своих жизней в тяжком воинском подвигѣ: этими надеждами жили, ими дышали, ими утѣшались в своих страданіях, скажем без преувеличенія, всѣ православные народы всего современнаго міра, вся Святая Соборная и Апостольская Церковь. Вся она ожидала, что наступившее теперь 1918-е лѣто Господне будет таким свѣтлым торжеством Православія, каким не было даже то 842-е лѣто, когда в память духовной побѣды над еретиками иконоборцами был установлен настоящій праздник.

«И что же? Вмѣсто освобожденія порабощенных православных народов, Церковь Россійская впала сама в такое порабощенное состояніе, какого не испытывали наши единовѣрныя племена, ни под властью магометан, ни под властью западных еретиков, ни наши предки под игом татар».

Перед этой тягостной картиной проповѣдник, однако, не предается унынію.

Он вспоминает с горечью о той мрачной тѣни, которую так долго отбрасывало на Церковь «синодальное» ея возглавленіе и отдается радостному чувству пред лицом вожделѣннаго переустройства нашей Церкви на началах возвращенія к Патріаршеству. Теперь ее «возглавляет давно жданный жених помѣстной церкви, и вот она, в разоренном нашем государствѣ, окруженная злобствующими врагами нашей спасительной вѣры, торжествует и благодарит Бога о том, что Он послал ей в утѣшеніе среди настоящих скорбей то, чего она была лишена в годы своего внѣшняго благополучія и безопасности».

Но этому можно радоваться только потому, что существует и еще одна причина к радости: сохраненіе того добраго, что взращено было прежними годами русской церковной жизни. Это — особое отношеніе русских пастырей и русской паствы к жизни и вѣрѣ. «Запад взирает на временную жизнь, как на наслажденіе, а на религію, как на одно из средств (даже сомнительных) к поддержанію благополучія этого. Напротив, русскіе люди, даже и не очень твердые в вѣрѣ, понимают жизнь, как подвиг, цѣль жизни видят в духовном совершенствованіи, в борьбѣ с страстями, в усвоеніи добродѣтелей, словом — в том, чего европейцы даже и не поймут, если будете говорить с ними о подобных предметах».

Проповѣдник убѣжден в том, что отошедшіе от Бога не составляют большинства русскаго народа.

«Огромное большинство русскаго народа, которое, сидя в деревнях и городах, продолжает в потѣ лица смиренно трудиться над своим дѣлом и больше прежняго переполняет святые храмы, говѣет и жертвует на церкви и на бѣдных, — оно попрежнему носит в своих сердцах высокіе завѣты Христовы, попрежнему оно вовсе не похоже на современных европейцев: оно отличается от них неслыханною среди них откровенностью, искренностью, довѣрчивостью, отсутствіем гордыни и незлобіем; оно благодушно принимает обличенія, быстро умиляется сердцем и отзывчиво на мольбу...

«Геройство духа, понятіе о жизни, как о подвигѣ, хранится только в Церкви, а так как оно в большинствѣ ея сынов хранится и до настоящих дней, то торжество Православія совершается сегодня вполнѣ законно, как торжество Христовой правды на землѣ; и оно будет совершаться с тѣм же восторженным прославленіем Пастыреначальника душ наших, как в прошедшіе годы, когда Церковь именовалась господствующей». Но не закрывает проповѣдник своих проницательных глаз и на иную, болѣе страшную, перспективу, которая может ждать Россію. «Да! — продолжает архипастырь, — оно будет продолжаться и в том случаѣ,

если государство подпадет полному подчиненію враговъ, если даже на православных откроется прямое гоненіе. Церковь будет торжествовать о своем вѣчном спасеніи, о том, что ея чада идут ко Христу, как Он и завѣщал им: «блаженни будете, егда возненавидят вас человѣцы и разлучат вы и поносят и пронесут имя ваше, яко зло, Сына Человѣческаго ради; возрадуйтеся в той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небеси». Аминь.»

Эта мрачная концовка только оттѣняет тот, на теперешній взгляд, удивительный оптимизм, которым проникнута проповѣдь, сказанная наиболѣе, быть может, прозорливым и глубоко проникнутым идеею Православнаго Царства русским іерархом, — сказанная пред лицом уже завладѣвшаго Кремлем торжествующаго большевизма! В глазах митрополита Антонія, уступленная большевикам Россія еще — Святая Русь! В его представленіи Императорскій період исторіи Россіи заслонен еще тѣнью, отбрасываемой Синодом, как нѣким злым началом, смѣнившим Патріарха в жизни Православной Русской Церкви!

Медленно, очень медленно, слишком медленно, чтобы оказать ощутимое воздѣйствіе на судьбы Россіи, проникало в сознаніе русских людей даже, казалось бы, наиболѣе открытых пониманію рельной дѣйствительности в ея «мистической» сущности, представленіе о подлинном

значенiи факта отреченiя Россiи от своего Царя. Всѣ мы в этом в той или иной степени повинны, и каждый из нас, оглядываясь на себя, вѣроятно, немало может сдѣлать себѣ упреков.

Не раз приходило мнѣ на ум сдѣланное однажды одним умным французским писателем наблюденiе: когда, говорит он, смотришь назад, прошлое кажется гладкой, хорошо укатанной, широкой дорогой, по которой естественной чередой текут событiя,—а когда пытаешься всмотрѣться в будущее, вздымается крутая скалистая стѣна, и безплодно ломаешь себѣ голову над тѣм, в какую же из небольших расщелин, в этой стѣнѣ замѣчаемых, устремится поток событiй и превратит ее в широкiй открытый проход...

Откуда только ни ждали русскiе политики-мыслители спасенiя Россiи! А того «единаго на потребу», что означало бы моральное выздоровленiе Россiи, не обнаруживали в своем духовном хозяйствѣ: покаянiя в великом грѣхѣ цареотступничества, которое явилось одновременно и отступничеством от Вѣры.

Убог наш монархизм, поскольку он не выходит за предѣлы размышленiй утилитарно-политических! Безсилен он перед фактом духовнаго распада Россiи. Возстановленiе Россiйской монархiи не есть проблема политическая. Парадоксально может это звучать, но в настоящее время реальным политиком может быть только

тот, кто способен проникать в мистическую сущность вещей и событій. Только духовное возрожденіе Россіи может вернуть ее міру. Поскольку в прошлом мы стали бы искать уроков, свѣтлых знаменій, духовных руководителей для созданія нашего будущаго, наша мысль должна обращаться не к политическим вождям, как бы велики ни были в прошлом их заслуги. Чѣм могут помочь нам Петр Великій, Александр II или Столыпин? Не поможет нам и уход в древнюю Москву, поскольку мы там стали бы искать уроков политической мудрости! Эти уроки использовали, может быть, сами того и не подозрѣвая, теперешніе властители Россіи. Не является ли СССР, как это первый замѣтил П. Б. Струве, обезбоженным и обездушенным универсально-крѣпостным государством, организаціонно весьма близким опыту древней Москвы, только... с обратным духовным знаком?!

Есть только один вождь, способный нам вернуть Россію — тот, который положил ея начало, в обликѣ Святой Руси утвердив Россійское великодержавіе: Владимир Святой! Россію надо «крестить». Только наново крещеная Русь может снова стать Православным Царством.

Возможно ли это новое рожденіе духовное? В этом — вопрос бытія Россіи, как Исторической Личности, которая извѣстна нам из исторіи и которая кончила свою внѣшнюю, го-

сударственно-организаціонную жизнь с паденіем Трона ея Царей. Другого пути возстановленія Исторической Россіи нѣт. И это — проблема не только наша, русская. Это и проблема міровая, вселенская. Ибо от того или иного рѣшенія ея зависит и судьба міра, точнѣе говоря, зависит вопрос о *возрастѣ* міра и о близости наступленія Восьмого Дня...

Отпечатана в типографіи «ЗАРЯ»
918/1 Лин Сен Род. Тел. 74469

Поступили в продажу новыя книги:

СВЯЩ. КИРИЛЛ ЗАЙЦЕВ. Православная Церковь в Совѣтской Россіи! ч I. Время Патріарха Тихона (Независимая Церковь в безбожном государствѣ).

СОФІЯ ЗАЙЦЕВА.

Дѣтскими глазами на міp.
У порога в міp.
Путь чрез міp.

Склад изданій:
Кіоск Каѳедральнаго Собора.
55, Рю Поль Анри
Шанхай.